

Р 4-4
ос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ 18-го НОМЕРА:

Анархизм и национализм	— — — — —	М. НЕТТЛАУ
Чрезмерно прославленный	— — — — —	ЖАН ГРАВ
Очерки по истории анархических идей	— — — — —	М. НЕТТЛАУ
Как понимают анархисты анархизм	— — — — —	А. ГОРЕЛИК
На могиле чикагских мучеников	— — — — —	Л. ЛИПОТКИН
На путях пролетарской власти	— — — — —	Н. МАХНО
Анархисты и социал-революционеры	— — — — —	В. П. Д.
Революция на практике	— — — — —	Э. МАЛАТЕСТА
Азбука анархиста-революционера	— — — — —	Н. МАХНО
Завещание тов. А. Лещинина		
Отчет Федерация.		

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

13 ОТДЕЛ

ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-196

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 18

ЯНВАРЬ 1932

MAX NETTLAU

АНАРХИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ

(Для „Пробуждения“)

Что такое национализм? С моей точки зрения, это именно то состояние, когда нечто хорошее превращается в нечто плохое. Например, когда употребление становится злоупотреблением, индивидуализм становится эгоизмом, собственность для личн. потребления становится монополией, свобода — распушенностью или тиранией. Одним словом, это то состояние, когда перейдена граница, допускающая чрезмерность. Именно таким состоянием вырождения является национализм. Национальность является общей характеристикой коллектива людей данной местности, вызывающей ощущение уюта и домашности, — такие чувства, каких эти люди не испытывают по отношению к чужакам. Если, однако, из этой дифференциации возникают надменность, вражда, чувство превосходства, презрение к чужакам, тогда национализм превращается в отрицательное, антисоциальное чувство. Это вырождение естественного и вполне социального чувства, чувства солидарности в пределах данной местности, без сомнения имеет очень старые и глубокие корни во всех многочисленных причинах разделения людей. Но прогресс означает уничтожение этих причин и исчезновение всех форм вражды среди людей. Национа-

лизм также представляет собой, можно сказать, профессиональную болезнь авторитарного и антисоциального общества и исчезнет, когда общество станет свободным и социальным.

Так как анархизм больше, чем какая-нибудь другая социальная теория, стремится привести к этой смене рабства свободой, монополии — солидарностью, то естественно, что замена национальной исключительности братством всех людей является одной из многих перемен, необходимых для освобождения человечества. Все эти перемены связаны и переплетены между собой в том понимании полного (интегрального) социализма, который в настоящее время представлен только анархизмом. Нам необходимо работать по всей линии прогресса, ибо социальная организация, претерпев лишь одну или несколько таких перемен, оказывается неспособной двигаться дальше, как это все мы знаем по опыту. Если лишь социальные перемены, как в России, без свободы, политические перемены без справедливости, национальное освобождение без солидарности людей, все это и еще другое оставляет много важной работы не сделанною и не является подлинным шагом вперед. Только анархизм остался свободным

от этой односторонности и неполноты. Его роль в социалистическом развитии неизбежно принимает более широкие размеры по мере того, как неполные формы социализма остаются позади. Необходимо, поэтому, чтобы у нас были ясные представления о всех вопросах, извращенных или затемненных под влиянием энтузиазма, споров, эгоизма, фанатизма и т. д. Одним из таких вопросов является национализм, в последние 30 лет вставший перед обществом во многих и разнообразных формах.

Исторически, в течение 10 или 12 тысяч лет, на протяжении которых можно установить связь в деятельности части человеческого рода, и в течение 2.500 лет этого периода, по отношению к которому имеется больше фактических материалов, а особенно за последние несколько сот лет, — мы видим много рас и наций, вступающих в поле зрения истории. Почти все они изменяются, сливаются с другими, разрушаются или вообще исчезают спустя несколько времени. Едва ли хоть одна из существующих европейских народностей может как следует доказать свое происхождение от какой-нибудь нации, существовавшей во времена расцвета древнего Египта, Греции или Рима. До этого исторического периода лежит неопределенно длинный период, когда человечество рождалось и развивалось. В течение этого периода возникали первоначальные деления племен, разбросанных из пространства, отличавшихся различными естественными свойствами и климатом. Позднее, путем разнообразных слияний и смешений, путем исчезновения более слабых промежуточных типов, образовались более широкие единицы, народы. Одни из них стали оседлыми, другие оставались бродячими и пребывали в таком состоянии в течение периодов неизвестной продолжительности, прежде чем история, предшествуемая безымянным доисторическим периодом, оказалась в состоянии дать народам имена. Все это чрезвычайно походит на разделение и дифференциацию некоторых родов животных, со всеми их местными типами и разновидностями.

Каждая из этих местных человеческих единиц развивала в себе более или менее

специальные физические черты, местный язык, обычай, религиозные взгляды, политические учреждения, формы собственности, законы против нарушителей и т. д., а также специальные местные способности к производительному труду, к нападению и защите; запас традиций, общие симпатии и антипатии по отношению к соседним единицам, особенно там, где возникали связи между семьями, где речь шла о престиже руководящих родов и о священных связях, установленных жрецами. Все это создавало национальность внутри малых единиц, — идеал номинального родства и товарищества местных народностей. Это чувство, иногда дремавшее, но всегда бывшее налицо, иногда заглушает всякое иное чувство, делает народ недоступным для разсуждений и готовым на все для защиты того, что он считает правом и интересом своей нации, подобно тому, как люди часто приносят в жертву все для защиты семейных интересов, когда солидарность берет верх над разумом и убеждением.

Всевозможные страсти неизбежно оказывают свое действие в подобных проявлениях чувства, усиливаясь под влиянием семейных или национальных интересов, как и при всяких действиях, подсказанных интересом. А за правами национальности следуют ее требования, ее претензии и, где возможно, ее завоевания. В таких вопросах нет предела, и, подобно тому, как употребление превращается в злоупотребление, так и претензии превращаются в несправедливые захваты. Старая поговорка говорит: "Прав я или не прав, а это моя страна". В этой поговорке полностью сказывается не разсуждение, а настроение, возникающее из слепой страсти.

Чего здесь нехватает, так это знания, или сознания: сознания, достаточно сильного для того, чтобы отвергнуть солидарность с несправедливым деянием, а зачастую и преступлением, и знания, которое показало бы границы между тем, что правильно и справедливо, и тем, что не является таковым. Мы знаем, что является такими границами в физических и технических вопросах, мы знаем, что является ядом для здоровья, или что оказывается пределом устойчивости для данных материалов, но во многих других вопросах

мы во власти страстей или неумения отличать добро от зла, ибо нам диктуют страсть и интерес.

Национальность, невинное и желательное накопление столь многих хороших вещей, позволяющих нам чувствовать себя дома в данной местности или территории, в то же время способна причинить бесконечный вред. Национальность может быть фактором социальным или антисоциальным, в зависимости от того, ограничивается ли она использованием, или же употребление вещей переходит в злоупотребление им. Национальность была и остается предметом безжалостного использования и злоупотребления на протяжении всей истории. Ею пользуются для целей братоубийства. Сильные нации поглощают и разоряют или рассеивают малые нации. Некоторые нации оказались всепожирающими и невосытными. Азиатские монархии: Египет, деспоты Крита, Македония Александра, республиканский Рим, и Рим цезарей, интеллектуально подчинившие себе народы, позднее — папский Рим, затем Рим, о котором мечтал Мадзини, а теперь — Рим империалистического фашизма наших дней, потом Испания времен кастильских завоевателей и американских конкистадоров, Англия времен норманнского завоевания и вплоть до нынешней Империи, Франция Людовика XIV и Наполеона I, царская Россия, Византия и Константинополь, Германия средневековых императоров, Америка наших дней — страна политического и экономического империализма, и т. д. Вся эта мировая масса тирании выросла из национальностей, которые, благоприятные обстоятельствами, проявили boldness и беззастенчивости, чем все другие подчинили других своему ярму.

Очевидно, таким образом, что национализм является сильнейшим фактором в ее создании власти, ибо она ставит ее в службу всех людей и все ресурсы. Ни прямая сила не могла бы это совершить, только добровольное подчинение призыв патриотизму превращало на протяжении всей истории каждого человека в послушное орудие вождя своей страны и того, что они называли национальным интересом. Религия является другим таким же фактором,

но так как религии стремятся распространиться на все нации и при этом позднейшие кастовые религии, буддизм, христианство и т. д. занимают место более ранних местных культов, то их развитие совершается в противоположном направлении по сравнению с национализмом, который изолирует нации. Религии были бы даже гуманизирующим фактором, если бы они действительно придерживались этого принципа. Но когда дело доходит до войны, то мы все знаем, что местные культы немедленно возрождаются. "Бог" становится тогда на сторону каждой нации особенно, помогает только ей и становится врагом ее врагов. Таким образом, религии никогда не умеряли местных страстей, а наоборот, возбуждали их. Кроме того, религии сами вели много войн за свое собственное преобладание, за преобладание христиан или язычников, католиков или протестантов и т. д.

Гигантские страны всегда распадались на части или подвергались разрушению, как разрушены будут и ныне существующие империи. Однако, они оставляют после себя части империи, радующиеся своему освобождению. Эти освободившиеся части страны не избежно заражены таким же духом господства, стремятся расшириться и сами стать большими державами. Теперешняя конфигурация политической Европы — все еще результат распада императорского Рима, отделения востока от запада, Рима от Византии, отчуждения севера от юга, итальянцев — от тех, кого римляне называли варварами, т. е. всех северных народов, вражда жителей средней Европы внутри и вне старых римских границ, влияние римских манер и обычаев, Франция и Германия, раздел внутри романских стран, где германское население, смешавшись с латинским и с первобытным населением, жило рядом с населением южных частей, где такой смешанности населения не было, но где возникала уже примесь африканских арабов. Я укажу здесь на Францию, Италию, Испанию, где север и юг очень различаются такою смесью рас.

В других странах позднейшие сильные расы наложили свой отпечаток: Норманны из Скандинавии, заняв части северной Франции, делали набег на северную Германию

и на все другие берега до самой Сицилии, а позднее совершили завоевание Англии.

Все эти парства стремились стать могущественными государствами по образцу Рима, но так как они обязаны были своим возникновением военному завоеванию, то полководцы захватили большую часть земель и сами стали феодальными властителями. Церковь приобрела много других территорий, приписанных ей в дар, или завещанных ей. Города часто имели возможность, благодаря своей экономической силе, добиваться некоторой независимости от королей и, в общем, местные власти с успехом защищали себя от государства, но сами становились не менее их авторитарными и угнетающими.

Эта система могла бы существовать до тех пор, пока производство и потребление сохраняли местный характер. Тем не менее торговля и финансы стали развиваться, стали возникать торговые центры, и дифференцированная местная жизнь превращалась по степени в препятствие, по мере того, как промышленность специализировалась и продукты ее распространялись путем торговли на обширные территории. Феодальные привилегии городов, рыночные монополии и т. д. препятствовали этому ходу развития. Неустрашимый ход общественного развития создал обширные экономические территории последних столетий. Современное государство началось сначала освобождением от местной мелкой тираннии. Местным центрам мы обязаны развитием гражданской жизни, промышленности и науки, например, Флоренции, Нюрнбергу, Генту, торговым центрам, как Вена и Венеция, университетским городам, где сосредоточивалась научная жизнь, столицам, где все эти факторы сочетались с жизнью правительственных и придворных центров, вроде Парижа и Лондона. Ясно, что все эти цветущие центры требовали обширных территорий, откуда они могли бы черпать свои силы и куда они могли бы сбывать свои продукты и свою культуру. Таким образом, государства, какие мы знали до 1914 года, были созданы за время от Карла Великого, до века Карла V, а некоторые и позднее, соответственно с требованиями экономического прогресса, создавшего крупное и специали-

зированное производство.

Это развитие, включая расцвет науки, техники, гражданской жизни и требования более значительной личной свободы, сделали возможной современную жизнь, интеллектуально зарождающуюся в 16 и 17 веках, сменяя многим обязанную 18 веку и приобретшую силу и признание путем борьбы со старыми привилегированными классами и революций в Нидерландах, Англии, Америке, Франции на протяжении трех веков.

19 век, когда подлинная наука, и точная и могущественная техника начали свое триумфальное шествие, когда естественные науки, техническое умение, пар и электричество стали фактами, совершенно преобразившими жизнь, сделал интеллектуальную жизнь возможной благодаря относительной безопасности, достигнутой европейскими странами и Соединенными Штатами после уничтожения наполеоновского империализма и испанского влияния в Америке и путем утверждения независимости в Северной Америке после второй войны с Англией.

В течение ста лет или около того, земной шар наслаждался относительным всеобщим миром, все войны были локализованы. Это сделало прогресс либеральных идей характерным для того счастливого века. И только этот всеобщий прогресс дал возможность социализму и рабочему движению развиваться, принес освобождение крестьян, рабов и крепостных, свободную мысль и некоторые формы свободной народной деятельности, вроде кооперации. Затем, всеобщее обучение, свободу женщин и т. д. Все это развилось и заложило фундамент, который уже никогда не будет разрушен.

Этот прогресс явственно был связан с расширением экономической жизни, свободной развивавшейся на обширных территориях, при помощи железных дорог и пароходов, проникая в самые отдаленные места земного шара и распределяя естественные богатства, добытые в дальних странах, по всему промышленному аппарату или снабжая ими потребителей новейших европейских и американских стран. Под этим давлением последние видимые препятствия для развития экономической жизни на территории одной на-

ции были устранены: малейшие полупезависимые и вполне независимые государства пришли в тесное соприкосновение между собой. Из независимых итальянских государств и присоединенных территорий была создана объединенная Италия путем войн 1859 и 1866 годов. Германские территории были соединены экономически посредством таможенного союза. Затем препятствия к более тесному политическому союзу были устранены после войн 1866 и 1870 годов. Кофен стал проповедывать свободу торговли во всех странах. Это не было достигнуто, но многое было сделано для устранения препятствий с пути развития торговли и путей сообщения. На много лет, вплоть до 1914 года, Европа, за исключением России и Балкан, представляла собой континент, где паспорта стали рассматриваться, как принадлежность древней истории, а проживание повсюду стало свободным. Такой период существовал в Соединенных Штатах, где иммигранты могли свободно высаживаться в Новом Орлеане, переходить на речной пароход и устраивать ся на берегах Миссури, где им было угодно, без всякого вмешательства властей.

Национализм благоприятствовал такому ходу событий в то время. Каждый мыслящий итальянец — за исключением некоторых федералистов — работал для создания объединенной Италии, каждый немец — для создания германского государства, республики или империи с общегосударственными учреждениями, способными устранить то дробление Германии, при котором через каждые несколько миль начиналось новое государство с особой монетой, законами и правилами. Это было до такой степени явно неленным и так давно отжило свое время в Англии и Франции. Наиболее передовые люди были против уничтожения такого бесполезного раздробления, мешавшего свободе. В известной своей брошюре, написанной в 1870 году, Вакуини резко выступает в защиту политического федерализма в Швейцарии, так как он стоял за разумность экономического единства, т. е. за мероприятия, введенные в Швейцарии в 1848 году и устранившие внутренние препятствия к свободе экономической жизни.

Здесь я должен напомнить читателям, что национализм был неизвестен вплоть до эпохи наполеоновской империи. Причина этого очень проста: это было вмешательство больших и малых государств, в так называемую национальную жизнь. Это объясняет, почему они так хорошо сохранились на протяжении всех этих веков войн и потрясений. Это делалось не из терпимости, а просто потому, что никто об этом не думал. Образование имело очень узкие границы, и литературный язык, вместе с языками латинским, греческим, французским, итальянским, испанским, английским, немецким, служили образованным классам для сношения между собой. Рядом с этим местный диалект был языком народа и удивительно сохранился. Только случаи жестокого преследования после местных бунтов или нетерпимая религиозная политика и другие причины авторитарного порядка вдохновляли и вызвали местный патриотизм и особую любовь народа к своему языку, что было неудобно властям и духовенству. Католическая контр-реформация 17-го века преследовала протестантские книги, напечатанные на славянском и литовском языках, нидерландский патриотизм преследовался испанцами, Швейцария укрепляла свой национальный патриотизм в борьбе с Германией и Бургундией. Все это были отдельные случаи, вызывавшие к себе всеобщую симпатию.

Только французские завоевания и оккупации, приведшие к созданию наполеоновской империи, напомнили европейским народам об их бывшей независимости. Прежде чем возстать с оружием в руках в 1815 году, они возродились духовно и стали усиленно заниматься своим национальным прошлым, стали разыскивать и собирать реликвии своего средневекового литературного наследия, народные песни и сказки, местную старинную мифологию и т. д. Наступила реакция против великого разочарования, вызванного французскими завоеваниями после того, как так недавно еще Франция была центром космополитизма и свободомыслия и оказала моральную и материальную поддержку Америке в ее борьбе за независимость и при провозглашении Прав Человека.

Начиная с 1815 года, идеология национализма сохранилась в общественном сознании Германии, где надежды на реформы после падения Наполеона не оправдались. Но это был либеральный и унитарный национализм студентов и части профессоров. Несколько лет спустя это направление получило поддержку со стороны промышленной буржуазии, и это придало вес экономическому унитаризму. В Италии национальный унитаризм был либеральным по тем же причинам и также получил существенную поддержку со стороны богатой ломбардской буржуазии; кроме того, он был укреплен пропагандой Мадзини, а позднее — сильным и честным мечом Гарибальди. Он имел за собой значительную тайную поддержку пьемонтской диктатуры и государственных людей, которые таким путем приводили к неудаче всякое усиление республиканцев и народа и достигли того, что корона объединенного итальянского королевства досталась пьемонтскому королю, а с нею и вековые владения папы. В этих двух случаях национализм был только одним из факторов, содействующих неизбежному и полезному объединению маленьких и слабых стран.

В 20-х и 30-х годах два других национализма выдвинулись на первый план — национализм Польши, где он жил со времен Костюшко и был подогрет в дни Наполеона, стал воинствующим в дни ноябрьского восстания 1830 года, а после того его сторонники удалились в почетную ссылку во Францию, Англию и другие страны. Раньше того, в 20-х годах борьба Греции против Турции хотя и была высоко дипломатическим делом, в котором чувствовалась рука России, Англии и других стран, но все-же эта борьба имела свою националистическую сторону, производившую сильное впечатление, вдохновлявшую поэтов, вплоть до лорда Байрона. Успешная испанско-американская борьба в дни Боливера, которой содействовали Англия (Каннинг) и Монрое, стремившиеся открыть эти огромные территории для иностранной торговли, также привлекала к себе общественное внимание.

В 30-х и 40-х годах славяне Австрии и Венгрии, чехи, словаки, кроаты, мало-

россы в России, а также сербы, все еще до некоторой степени связанные с Турцией. — все они подняли знамя национализма, который был настолько окрашен антигерманизмом, что скрытая рука России, ее агенты и рубли, панславизм, он же панрусизм, казалось, скрывались за каждым шагом этого движения. Начиная с 30-х годов и до 1914 года Германия относилась с недоверием к этому национализму, а это, в свою очередь, привлекло к нему симпатии Франции. Хорошо известно, как глубоко Бакунин ушел в этот славянский национализм, которому он хотел придать федералистские формы и вызвать в нем социальные устремления. С 1846 до 1863 года он настойчиво работал в этом направлении, хотя в позднейшие годы он уже был менее настойчив и даже временно попадал под влияние тех, кто с недоверием относился ко всякому славянскому национализму по причине явных связей некоторых из его лидеров с интересами царизма. Это недоверие увеличилось и отравило атмосферу в Австрии и Венгрии и среди немцев вообще. Если верить всем разоблачениям, напечатанным чехами с октября 1918-го года, то это недоверие, поскольку оно относилось к позднейшему периоду, было не лишено основания. Так произошло то, что этот национализм стал все усиливавшимся фактором, к которому относились с безусловной враждой с германской стороны и безусловно дружески — с французской стороны, совершенно так же, как сам царизм со времен Гамбетты и Скобелева считался возможным спасителем и истинным другом Франции, тогда как Германия и Австро-Венгрия считали его постоянной угрозой для себя и заклятым врагом.

В годы до войны не только европейские державы разделились на две враждебные группы, но и среди других союзников произошло деление и к каждой основной группе больших держав присоединилось несколько малых, которые обезуживали каждая свою группу великих держав и продолжали делать это до войны 1914-1918 г.г. Всем известно, до какой степени Гарт-

вник в Белграде держал в своих руках все нити тайных сербских организаций, до какой степени чехи считались важными персонами в Париже, а с другой стороны, как холодно относились в Париже и Лондоне к финнам, как врагам царизма, — как Пилсудскому льстили и помогали до войны австрийцы в Галиции, как немцы во время войны пытались помогать украинцам, грузинам, ирландцам, и другим антибританским националистам и т. д.

Общезвестно, далее, что, к концу войны и после перемирия, новые национальные государства были образованы целиком под диктовку националистов, т. е. путем присоединения многих меньшинств другой национальности, которые в настоящее время живут под гнетом национальных государств, объявивших свой язык государственным языком и делают из них все возможное, чтобы заставить говорить на этом языке присоединенные меньшинства. Они действуют с несравненно большей суровостью, жестокостью и нетерпимостью, чем действовали в свое время против них самих. В сущности, с ними обращались более чем либерально. Они составляли даже правительственное большинство в Австрии почти все время с 1879 года. Тем не менее, после октября 1918 года они стали обращаться с германским населением этой страны с крайней жестокостью. Пилсудский теперь является чем-то вроде диктатора в Польше, король Юго-Славии — монарх без конституции, Литва имела диктатора в течение некоторого времени, Греция — также. Куда бы мы ни взглянули, все национальные государства проявляют невероятную нетерпимость, жестокость и отсутствие прогрессивного духа, вместе с ярым милитаризмом и политическим честолюбием. Социализм подавлен национализмом, безсилен, и отчаяние гонит его в коммунистический лагерь. Беру на себя смелость сказать, что даже область культуры, столь дорогая каждой национальности, страдает при таких условиях. Прежде местная национальная жизнь, при ее многостороннем разнообразии язы-

ка и обычаях, процветала. Теперь из правительственных центров городская жизнь заражает своей мопотонностью всю страну. Местные диалекты ступениваются и вытесняются однообразием официального языка, преподаваемого в школах и распространяемого газетами. Народные традиции исчезают под влиянием новейших веяний и т. д. Можно сказать, что политический национализм, национальное государство является могилой национальной культуры, этой высоко ценимой местным населением сокровищницей традиций. По моему мнению, она покупается слишком дорогой ценой. В результате получается полная изоляция от соседей на протяжении долгих веков. Это отчуждение и разрыв всех связей не вознаграждается, по моему мнению, связями с далекими политическими покровителями во Франции и Англии, считающими их полезными сторожевыми псами в настоящем, удобными союзниками во время войны в будущем, а во всем прочем мало интересующимися ими.

Анархисты во всем этом могут видеть пример того, к чему приводит антисоциальность. Прогресс ведет к расширению связей между людьми, к их мирному сожителству бок-о-бок, как духовно родственных друг другу единиц, устранивающих свои дела путем взаимных соглашений на федеральных началах. В больших странах это лучше всего можно делать путем свободных соглашений групп или объединения групп. Это не является более необычным, чем способ, с помощью которого на территории Соединенных Штатов, от океана до океана, устраиваются повседневные дела и совершаются миллионы деловых сделок, без всяких раздражающих ограничений и вмешательства со стороны, при чем лишь безконечно малая часть этих дел дает повод для конфликтов и судебных процессов. Если бы эта территория Соединенных Штатов была разделена на 500 или 1000 национальных государств с таможенными перегородами и особыми в каждом утвреждениями, законами и враждебным друг другу духом, то отсу-

да возникло бы бедствие, которое мне не приходится описывать здесь. Это было бы, конечно, нечто противоположное тому, что каждый прогрессивный и практический человек и каждый анархист должен пожелать. Тем не менее, это именно и было бы торжество национализма, того образца, который господствовал в 1918 году и в довоенной Европе.

Если эгоизм, изоляция, взаимная вражда, растрата сил, путем усложнения политического и экономического аппарата, являются качествами, если бы все это было целью анархистов, то они могли бы почувствовать этому современному национализму. Но так как они желают как раз обратного, безкорыстия, товарищества, взаимного доброжелательства, упрощения общественных служб, вылить из них полного исчезновения, до их превращения в обычную работу, выполняемую там, где она нужна, всеобщего доступа к богатствам земли, исчезновения различия между богатыми и бедными странами, — так как анархисты желают всего этого, и вполне правы в этом своем желании, то что могут иметь они общего со всеми этими корыстными националистами? Анархисты являются полярною противоположностью по отношению к националистам.

**

Все мои симпатии принадлежат национальной культуре, охраняющей творческую работу далекого прошлого в этой области. Совершенно также мои симпатии принадлежат делу охраны долгой работы природы, являющейся нам в форме прекрасных пейзажей, гор, лесов, озер и рек, а также одушевленной природы, всех видов животных и растений, охране продуктов и искусства, воображения и разума, охране всех прекрасных типов самого человечества, ибо жизнь в здоровой обстановке всегда производит их, тогда как механизированная жизнь городов жестоко давит их, а жизнь в условиях нищеты никогда не позволяет им развиваться. При всем этом истинные анархисты должны будут призвать, что механизированная го-

родская жизнь наших дней является лишь мимолетным эпизодом. Человечество восстанет против этого образа жизни прежде, чем станет слишком поздно, прежде чем она наложит свой отпечаток на грядущие поколения и станет производить живых рабов, химически откармливаемых и, быть может, разводимых в инкубаторах. Все это представляется нам кошмаром, рассеять который может естественная и национальная культура, владеющая средствами возрождения человека.

Я провел чудесное воскресенье 3-го мая в Сан Кугат, за горной цепью, которая окружает Барселону. Там, в сосновом лесу, несколько сот товарищей и их семей собрались на пикник и провели день в полном согласии, варили шниц, играли в простые групповые игры, временами слушали ораторов, артистов, декламаторов революционных стихов, и все это, — не употребляя напитков, почти не занимаясь курением, весело распевая и отдаваясь безпредельному веселью и оживленным разговорам. Это был день, проведенный в анархической Аркадии. И этот день дал мне новые надежды. Я сразу почувствовал себя переносенным приблизительно в 1831 год, когда современная механизированная жизнь была неизвестна. Потом я перенесся в 2031 год, когда, я надеюсь, от современных оргий рационализированного машинизма останется лишь смутное воспоминание. Эти товарищи, среди которых было несколько самых крайних анархистов, — людей, которые до наступления нынешней перемены десять раз ставили на карту свою жизнь, являются истинным звеном между более терпимым прошлым и счастливым будущим. В этом духе согласия и постоянства мы можем и должны быть истинным авангардом прогресса, и тогда многие присоединятся к нам.

Эти каталонские рабочие также стоят перед резко поставленной национальной проблемой, но они разрешают ее в ином духе, чем националисты, победившие в 1918-1919 годах. Они принадлежат к школе Франциско П. Маргала, знамени-

тый труд которого „Национальности“ был напечатан в Мадриде в 1877 году и представляет собой испанский учебник национального федерализма. Я не могу обсуждать здесь каталонскую проблему и только напомню тот факт, что каталонский язык, высоко развитой с давних времен, родствен народному языку юга Франции и совсем не принадлежит к испанской ветви новолатинских языков. Каталонцы имели свое независимое государство с давних времен, и если бы это государство возродилось, как того желают многие каталонские националисты, то оно создало бы богатую и плодородную страну, совершенно однородную в отношении языка и национальности, хотя и с очень клерикально настроенным большинством крестьян и части городского населения, а с другой стороны, здесь были бы самые передовые анархисты, синдикалисты и самые радикальные республиканские элементы в качестве сильного меньшинства.

Национальное Собрание испанских анархических синдикатов в Мадриде 23-го апреля приняло следующую резолюцию, которая подробно объясняется и защищается против националистов - сепаратистов и их газеты „Nosaltres Sols“ (что в переводе означает „Мы одни“) в Барселонской ежедневной газете „Solidaridad Obrera“ от 5-го мая. Автор ее товарищ Ж. Пейро, один из самых выдающихся синдикалистов, каталонец из Маторо, около Барселоны. Он дает понять, что идеи этой резолюции принадлежат ему. Точный текст резолюции таков:

„В душе человека живет врожденное предположение: быть свободным, независимым, но эта свобода, эта независимость должны быть гарантированы общей мыслью: жизнь обеспечивается путем солидарности и взаимопомощи. Разум и ясная мысль толкают народ с величайшей настойчивостью к завоеванию этой свободы.“

„Каталония всегда шла во главе этого крестового похода. Другие области смотрели с симпатией на бунтарский жест

Каталонии и всегда оказывались склонными помочь ей. В настоящее время проблема изменилась. Режим пал. Абсолютизм свергнут, появилась заря дней новой свободы. Но эта свобода, это стремление к самому высокому, что должно быть гарантировано всеобщим союзом, может быть омрачено тенью — тенью каталонского сепаратизма.

„Национальная Конфедерация Труда не может признать сепаратизм, нарушающий единство и органическую жизнь пролетариата. Она пришла к этому заявлению не путем утверждения республики, как системы правительства, ибо юридические, экономические и гуманитарные проблемы, которые пролетариат должен разрешить, лежат далеко за пределами республики, как лежат они далеко за пределами всякой вообще системы, признающей свободу человека. Для рабочих не существует ни режима, ни отечества, — существуют только люди, гармония, человечество. Внутри человечества существует только экономическая необходимость с ее обычаями и особенностями.

„То, что составляет подлинную сущность человека, должно уважаться при федералистической системе, которая началась в Испании, которая будет усвоена всеми другими странами Европы и охватит все человечество. Но эта система не столько разделяет, сколько соединяет, не столько раскалывает, сколько укрепляет. Поэтому сегодня, перед лицом рождающегося нового режима, Национальная Конфедерация Труда заявляет, что всей своей энергией, всеми силами, вызванными на уши, она будет противиться всякому сепаратистскому желанию, будет ли оно исходить от каталонского, галицианского или баскского района, призывая способы от генеральной стачки до вооруженного восстания. Начиная от пассивного сопротивления и вплоть до гражданского неповиновения, она будет применять все средства, что бы обратить в ничто власть, которая задумала бы нарушить это единство, ибо в истории пролетариата и Национальной Кон-

федерации Труда нет путей, ведущих вспять, а есть постоянное движение вперед и выше, в поисках абсолютного правового и экономического равенства. Поэтому федеративные армии, со всей силой, порожденной их историческими жертвами и их любовью к свободе, требуют сегодня, чтобы это необходимое единство было сохранено в интересах всех людей, а завтра, если это требование не будет услышано, армия осуществит его силой.

„Федеративная армия несет этот дух согласия во все области путем национальных митингов. Прологом к этой кампании послужит акт большого общественного значения в Барселоне, при котором должны будут присутствовать представители всех областей и который скажет душе всех рабов, чтобы они более твердым шагом шли вперед, объединенные стремлением к федерализму, заставляющим трепетать весь коллектив“.

В этой статье от 5-го мая Ж. Пейро замечает: „линия, отделяющая национализм от федерализма и свободы, основанных на всеобщей солидарности народов, представляет собой основу позиций Национальной Конфедерации Труда перед лицом каталонского сепаратизма. По внешности этот сепаратизм означает национальную свободу Каталонии, но в свете исторического опыта национализма не дает ни малейшей гарантии постоянной политической, экономической и социальной свободы для каталонцев“... „Н. К. Т. склонна восстать и воспротивиться всеми способами также и против испанского империализма и против каталонского сепаратизма“... Н. К. Труда желает защищать, в качестве исходной точки в направлении к лучшему миру, чем нынешний, величайшую свободу для всех испанских народов внутри их солидарной федерации. И в качестве величайшей свободы, какой мы желаем для всех народов, мы считаем принцип иберийских (полуостровных) национальностей (Испании и Португалии), но без границ, с тем, чтобы ни один кастилец, галицианец или уроженец местности по ту сторону Эбро, никог-

да не считался бы иностранцем в Каталонии“.

Далее, Ж. Пейро замечает: „Для анархистов и синдикалистов, свобода национальностей, целиком основанная на этических данных, не тождественна с ограждением части территории внутри границ. Язык, культура, а также различия рас не являются для нас причинами для разделения людей путем искусственных границ. Мы считаем имманентным, абсолютно неоспоримым право всех народов культивировать свой язык, развивать культуру и сохранять естественные традиции, коренящиеся в их душах. В последней глубине наших существ, как людей и идеалистов, хранится мысль, что не только области и муниципалитеты, но также индивиды, должны пользоваться величайшей автономией и свободой. И в качестве синдикалистов и анархистов, именно потому что мы согласны с этой резолюцией, вызвавшей столько споров, мы будем бороться за то, чтобы Каталония получила максимум свободы, но мы также будем бороться и за то, чтобы право на такую же свободу было признано за другими областями“... Н. К. Ф... „заявляет, что она будет выступать против границ, которые, желают-ли того люди или не желают, являются отрицанием принципов интернационализма, которые так интересуют пролетариат Каталонии и всего мира“...

Эти выдержки из замечаний уравновешенного и опытного активиста, читатель должен признать вполне согласными с моими замечаниями в настоящей статье. Величайшая местная свобода для всех неагрессивных выступлений, для всей культурной жизни, но в пределах солидарности ныне существующих больших стран или внутри той безпределности, какую является человечество в целом — и такая же свобода для всех других: вот то, что анархисты не только охотно признают за национализмом, но что они считают неотъемлемым его правом, ибо каждому виду и каждому индивиду человеческого рода принадлежит право жить полной жизнью. Большого они требовать не могут.

**

Страны, сложившиеся в Европе до 1914-го года, обременены были своим происхождением бесчисленным интригам и преступлениям государственных людей, жестоким войнам, жадности, угнетению и проч., но если бы только это составляло их базис, то они не могли бы существовать в течение целого века с 1815 до 1914-го, претерпев лишь сравнительно немного территориальных перемен и не испытав никаких действительных перемен в общем равновесии. Это доказывает, что в основном они отвечали экономическим, географическим, историческим и другим потребностям. Произвести все огромные перемены 1918-1919 годов, дав полный простор жадности и жажде мести националистов, — это означало разрушить экономическую жизнь этой части земного шара преднамеренно, а это не замедлило бы оказать свое влияние на все страны земного шара. Эта работа национализма была преступна, и очень многие народы видят это теперь. Разрушить экономическое единство Испании после более чем 4-х столетий связи между Каталонией и остальной частью современной Испании означало бы повторение того, что было сделано в 1918-1919 годах в других странах. В это роковое время анархисты и, в сущности, все рабочие оставались безмолвными и дали возможность националистам воспользоваться.

На этот раз испанские рабочие, анархисты и синдикалисты, подняли тревогу и сказали, что они не допустят этого разрыва. Это показывает, что они обладают здравым смыслом и являются крупным поражением сепаратизма, если они победят. Очень характерно, что испанские коммунисты, малочисленные, но обладавшие, конечно, своими собственными большими газетами, утверждают, что их 20.000 там, где на деле их всего двадцать, и такие люди слышат в Каталонии сепаратистами и патриотами. Троцкистская фракция именно так поступает. Но так как они, в то же самое время, постоянно об-

ращаются к исполкому своего интернационала с просьбой вновь принять их в основную партию, то можно предположить, что они уже теперь действуют в согласии с общими коммунистическими планами. Планы же эти для Испании состоят в том, чтобы создавать расколы, столкновения, беспорядки и разрушения всеми способами. Будем желать, чтобы сепаратисты оказались столь же рассудительными, как анархисты и синдикалисты, которые зорко следят за этими врагами, шляющимися вокруг них.

Анархисты всех стран сделали бы хорошо, если бы прониклись принципами и практикой федерализма. Известно, что эти принципы очень привлекали к себе Петра Кропоткина, когда, к несчастью, слишком поздно — он заметил отсутствие их в русской революционной психологии и стал пытаться убедить товарищей, чтобы они изучали этот вопрос. Однако он был вынужден очень рано покинуть Москву в то время и удалиться в Дмитров. Очень мало вероятно, чтобы революция в близком будущем в какой-нибудь стране разделила бы ее на анархические группы или синдикаты, но будут перемены в структуре, которым должно быть дано федералистское направление. В Испании это хорошо было подготовлено П. Маргалом, но в других местах было сделано очень мало.

В своем журнале "Pensiero e Volonta", 1924-1926, Малатеста напечатал статьи о федерализме, который очень немногие, но замечательные авторы пытались ввести в итальянскую реконструкцию, но в этом вопросе сотрудничал им-Мадзини со своими объединительными тенденциями.

Здесь, в федерализме, заключается настоящая задача для истинного, незахватнического национализма. Анархическое применение этого принципа, о котором и помыслить нельзя в централизованном государстве, могло бы найти свое первое осуществление в автономных частях федеративного государства. Тем, кто заявляет „все или ничего“ это не понравится,

JEAN GRAVE.

ЧРЕЗМЕРНО ПРОСЛАВЛЕННЫЙ

Давно уже установилось мнение, что Маркс замечательный экономист и что своим "Капиталом" он уничтожил капитализм. Его произведения стали евангелиями, а его автор-пророком социализма, не существовавшего, по мнению многих марксистов, до тех пор, пока Маркс его не открыл.

Эта легенда тем менее рисковала встретить возражения во Франции, что никто, за исключением лишь знающих немецкий язык, не в состоянии был прочитывать Маркса, — даже наиболее пламенные его ученики, думается мне, — ибо до сих пор существует лишь очень плохой перевод одной из книг "Капитала", напечатанный в 1877 или 1878 г. Морисом Лашатр. Позднее, Ж. Девиль написал краткое изложение.

За несколько времени до войны, Бельз, если не ошибаюсь, выпустил три или четыре тома, переведенных одним из наших друзей, Леоном Реми, принадлежащим к группе социалистов - интернационалистов. Однако цена этих книг сделала их недоступными для тощих кошельков.

Нам приходилось принимать Маркса таким, каким нам его представляли его поклонники, и считать "Капитал" библией социализма.

Разве он не нашел несколько формул, при первом взгляде создававших иллюзию „Исторического материализма“? „Капитализм сам себя разрушает“. Формула, удобная для тех, которые идут по линии

но те, кто говорит „все в свое время“ и „начнем сначала“, — не станут пренебрегать федерализмом.

Вот, что я могу сказать теперь об анархизме и национализме. Если мне будут сделаны возражения, то я постараюсь обсудить их, ибо этот обширный вопрос не может быть здесь исчерпан.

М. НЕТТЛАУ.

Барселона,
7-го мая 1931 года.

наивысшего сопротивления. А его зна-

менитая борьба классов? Забывая, что если существуют богатые и бедные, миллионеры и нищие, то в действительности уже не существует более настоящих делений между этими различными категориями граждан. Что многие сегодняшние богачи были бедняками вчера, что все бедняки сегодняшнего дня надеются стать богачами завтра, и что некоторые из них добьются богатства, и что это будет поддерживать в массах эту благотворную надежду, — что между собственниками и лишенными собственности есть еще множество средних людей, зависящих от тех и от других, — что единственная полезная война, это война эксплуатируемых против эксплуататоров.

Издатель Кост, предпринявший печатание трудов Маркса, заполнил, таким образом, пробел. Оказал ли он услугу памяти Маркса? Это уж совсем иной вопрос.

— 0 —

Итак, я стал читать Маркса, чтобы заполнить один из пробелов в моем образовании, так как до сих пор я знал его только по наслышке. Но уже с первого тома я вынужден был спросить себя, не ослабевает ли моя способность к пониманию.

До сих пор я считал себя способным читать любую книгу, как бы она ни была трудна и даже понимать ее, если в ней есть что понимать. Но уже с первых страниц первого тома моя способность понимания притупилась. Я видел только фейерверк фраз без смысла, — для меня, по крайней мере, — решения проблем, которые ничего не разрешали, многосложные слова, ничего не значившие в действительности, а только усложнявшие проблему и затемнявшие ее. Я был решительно неспособен понять, что хотел сказать автор.

И, что еще хуже, чтение следующих томов не принесло никакого объяснения.

Разумеется из этих книг ясно, что Маркс борется против капитализма и эксплуатации, ибо от времени до времени, когда ему кажется, что он доказал это положение, он утверждает, что капитал создается из неоплаченного труда, отнимаемого, следовательно, у рабочих, но его доказательства ничего не доказывают.

Я прочел первые 4 тома „Капитала“, вышедшие до сих пор. Я прочел первые 3 тома его критики экономических теорий. За исключением нескольких хороших страниц, заимствованных из отчетов фабричных инспекторов и касающихся эксплуатации детей и рабочих в Англии 60 лет тому назад, я не нашел ни одного ценного аргумента против капитала.

В книге есть много утверждений. Но разве главный упрек, делавшийся предшественникам социализма до Маркса, не состоял в том, что они выступали только с обвинениями, но без доказательств, без доводов?

Маркс усвоил язык экономистов, чтобы их опровергнуть, но не стал оттого более понятным. И, по моему скромному мнению, он выдвинул против капитализма гораздо меньше доводов, чем предшествовавшие ему социалисты, которые не всегда удовлетворялись обвинениями, а умели, кроме того, очень недурно доказывать и подкреплять фактами правильность своей критики.

В моих рецензиях о появившихся томах я воспроизвел несколько мест, где неразбериха чередуется с бессмыслицей. Я привел некоторые из этих арифметических задач, которые имеют претензию разрешить социальный вопрос в алгебраических формулах. В настоящей статье я не стану возвращаться ко всему этому.

Я также доказал в некоторых случаях, что аргументация Маркса никоим образом не опровергает аргументацию ортодоксальных экономистов, но, чтобы не повторяться, могу только отослать читателя к своим статьям на эту тему.

Когда я был молод, моя бабушка

приехала к нам в гости в Париж. Однажды, вернувшись с прогулки, она сказала нам: „а ведь соседка, что живет внизу, тоже родом из Оверни“.

— Как, сказал отец, она из Оверни?

— Ну, конечно, я с ней говорила на нашем языке, и она мне отвечала.

Мы все захохотали.

— Как же могла она говорить с тобой на нашем языке, ответил мой отец, когда она родом из Эльзаса? Ей трудно объясниться даже и по-французски. Что же она тебе рассказала?

— Да не знаю я, что она говорила!

Этот анекдот вспомнился мне, когда я читал Маркса. Язык экономистов, которым он пользуется, так искусно — язык того же сорта, на котором говорила моя бабушка, беседуя с эльзаской. Они могли бы долго разговаривать, но не могли рассказать, о чем они беседовали.

Каждый экономист на своем особенном языке пишет целые тома, в которых другие экономисты понимают только то, что они вносят туда сами и что они переносят в свои собственные книги, которые они пишут на специальном жаргоне и в которых они претендуют доказать кучу вещей, но в которых непосвященные ничего не понимают. У меня зародилась смутная догадка, что они не понимают друг друга. Но — тише, не будем кричать об этом слишком громко! Иначе меня сочтут грубияном.

Сражаясь с экономистами, Маркс заимствовал их жаргон и усложнил его алгебраическими формулами — что придает ему еще более... ученый вид. Он забавляет читателя фейерверком слов. В заключение он утверждает, что прибыль капиталиста состоит из неоплаченного труда. Это верно. Это было открыто до него, но он этого никоим образом не доказал, несмотря на все свои рассуждения.

Экономисты исходят из того положения, что „современная организация, в том виде, в каком она существует, с классом собственников и его свитой из лишенных собственности, вынужденных продавать

свою рабочую силу тем, кто владеет землей и орудиями производства, — закона, естественна, и не может быть никакой лучшей или более справедливой организацией, а следовательно, законы и вытекающие отсюда результаты.

Если случается, что вытекающие из этого порядка результаты плохи, если они говорят о каком-нибудь недостатке механизма, если они не являются результатом злого умысла преступников, то это не более, как случайные неполадки, которые не всегда можно предвидеть и предотвратить. Разве может существовать что-либо совершенное в этом мире, принимая во внимание несовершенную природу человека? С течением времени люди, мол, постараются исправить эти недостатки... если окажется возможным. А пока нужно уметь примиряться с этими недостатками, раз их нельзя устранить.

**

Кто желает возразить против этой предпосылки, тот должен противопоставить ей другую предпосылку: незаконность современного социального строя, несправедливость его, состоящую в том, что трудящийся, вынужденный сужать свои самые законные потребности, в то время как те, кто довольствуется тем, что заставляет работать других, живут в изобилии и роскоши и передают своим потомкам возможность жить таким же образом, не ударив пальцем о палец и даже не прибегая к помощи своих мозгов.

В самом деле, если деньги являются необходимым социальным посредником, если владение средствами производства законно принадлежит незначительному меньшинству, то рассуждение экономистов оказывается как нельзя более логичным.

Если у меня есть свободные деньги, то для какой цели стану я передавать их в распоряжение какого-нибудь господина, который станет пользоваться ими в своем предприятии и наживать с их помощью барыши? Если я лишаю себя наслаждений, которые мог бы доставить мне этот капитал, то было бы лишь справедливо,

чтобы мне досталась часть прибылей, полученных благодаря ему, не говоря уже о гарантиях, обеспечивающих меня от потери моего капитала.

Это тем более законно, что, одалживая эти деньги тому, или тем, которые их используют, я полагаю таким способом выполнять работы общественно — полезные. Без сомнения, эти работы не могли бы быть выполнены, если бы я не дал бы средства для них, не говоря уже о рабочих, которым дан будет таким способом труд и тем будет облегчена их жизнь.

Разве я не имею права считать себя благодетелем народа?

— Конечно, это будет благодеяние за определенные проценты. Согласен! Но если бы все те, кто имеет деньги, хранили бы их в своих сундуках, не заставляя их работать, по неумению это делать собственными силами — а это и произошло бы, если бы такие люди не получали бы дохода от ссужаемых ими денег — то никакое производство не было бы возможно. Ссужая свои деньги, я содействую общественному благополучию.

Придирчивые люди могут сказать мне, что если я буду хранить свои деньги в сундуке, то мой сундук в один прекрасный день окажется пустым, и тогда мне придется положить зубы на полку.

Но стоит ли останавливаться над всеми нелепыми возражениями тех, кто не способен понять красоты существующего общественного строя?

С другой стороны, если гарантии недостаточны, то я несу риск, и совершенно законным является требование, чтобы прибыль была тем выше, чем больше риск.

Те же придирчивые люди заметят мне, что если проценты выплачиваются мне регулярно и капитал полностью возвращается мне в назначенный срок, то это значит, что я не несу никакого риска и что, чем выше процент, тем скорее это может привести к банкротству. Но, опять-таки, предоставим злым языкам критиковать.

Кроме того, если бы я решил, что сам

заставлю работать свои деньги и стану купцом или промышленником, то я сделаю бы это не для прекрасных глаз моих будущих клиентов. Если я работаю, то должен извлекать из этого доход. Если я вкладываю свой капитал, то этот капитал также должен приносить доход, будь это капитал мой собственный или взятый взаймы. Общество организовано не на началах обмена услуг между его членами, а на отношениях торговли, продажи и покупки.

**

В нашем обществе оплата труда основана на „известных“ правилах, пренебрегать которыми невозможно, под страхом смерти предприятия.

Но ведь умственная работа преобладает над ручным трудом! Нужно много ума, чтобы успевать в делах. У меня нет недостатка в нем. Справедливость требует, чтобы мое вознаграждение было пропорционально моим способностям, а они не малые.

Без сомнения, есть такие дела, которые не требуют большого ума. Это бесспорно. Но такие дела либо приносят доход, либо не приносят его. Если они не приносят дохода, то бесполезно обсуждать ожидаемую от них прибыль. Если они приносят доход, то тот факт, что руководитель этих дел сумел сделать их успешными, доказывает, что он внес в эти дела то количество ума, которого не хватало людям, пытавшимся вести эти дела и потерпевшим неудачу. Но ведь бесспорно, что, с другой стороны есть и такие дела, которые требуют большого такта и осторожности, но о которых можно сказать, что игра не стоит здесь свеч. То дело, которое я поставил на ноги, относится к этому разряду. Но, ведь, при нашем социальном строе все оплачивается. Я требую себе вознаграждение за все то, что я вношу в предприятие: время, труд, ум, изобретательную способность, капитал, связи и прочее.

Если я вынужден пользоваться чужим трудом, то для оценки его я должен при-

нимать во внимание не только указавшие выше соображения, но также и размер оплаты труда у моих конкурентов. Если я перейду некоторые границы, то мое предприятие придет к убыткам.

Вне всякого сомнения, жалование тех, чьим трудом я пользуюсь, не может быть равно моему жалованию. — Нельзя сравнивать грандиозные предприятия с салфетками.

Если я сделал изобретение, которое, скажем, сэкономит труд, потребный для производства каких-нибудь предметов, или даст возможность производить их в большем изобилии, или если я сделал какое-нибудь другое улучшение общественно-полезного характера, то разве не справедливо, чтобы я первый получил выгоды от моего изобретения, в форме повышения моей прибыли?

Можно смеяться сколько угодно, но невозможно опровергнуть это рассуждение, если вы станете обсуждать его, не доказав предварительно незаконность существующей социальной организации.

Другими словами, надо сначала отвергнуть этот строй, а потом приводить доказательства.

Маркс спорит, оставаясь на первых порах на почве экономистов и занимается осмеянием их, не убеждая, однако, в том, в чем он хочет убедить. Он кончает тем, с чего должен был бы начать: с отрицания законности капитала и прибыли, — той законности, которую отстаивают защитники существующего порядка вещей.

Однажды согласившись обсуждать вопрос о ценности, о формах производства и обмена, об отношениях между капиталом и трудом, оставаясь на почве экономистов, это означает погружаться в бездну, и Маркс, что бы ни говорили его поклонники, не умеет из него выбраться, а лишь прибегает к утверждениям, которые несколько не становятся убедительными после всех его рассуждений, а иногда оказываются просто притянутыми за волосы.

**

Никакое рассуждение, никакая алгебраическая формула, никакая арифметиче-

ския задача не докажет, что купец, наживающий прибыль на торговой операции, что промышленник, который обогащается, заставляя работать других, делает это незаконно. Если вы допускаете частную собственность, заработную плату, деньги, меру ценностей, захват земли и средств производства одними людьми в ущерб другим, то все, что отсюда вытекает, — логично.

Где доказательства, что прибыли становятся незаконными, начиная с такой то цифры?

Какойнибудь коммерсант или промышленник кладет в карманы десятки и сотни миллионов прибылей ежегодно. Возмутительно в этом случае то, что люди, которых он заставляет работать, обречены на лишения. Но прибыли капиталиста в данном случае объясняются обширностью его операций, значительностью затраченных им капиталов, способностями, которые он проявляет, и изобретениями, которые он вносит.

Какое значение может иметь тот факт, что этот магнат кладет прибыли себе в карман, и что дело идет только благодаря умелости штата директоров и служащих, которых он нанял? Предполагается, ведь, что все делается под наблюдением капиталиста, и будет-ли наблюдение номинальным или действительным — значения не имеет. Таким образом оказывается, что его заработок действительно является законным результатом его труда, его способности, вознаграждением за капиталы, которые он вложил.

Чтобы быть в состоянии отрицать действительность этой законности, нужно предварительно отвергнуть законность ренты, прибыли. Нужно, прежде всего, доказать ложность знаменитой „меры ценности“, которую Маркс старается установить в споре с экономистами.

Мера ценности ничего не измеряет, даже когда она определяется часами труда. Она ложна, больше чем ложна. Это мера растяжимая, которая уменьшается или удлиняется в зависимости от желания, она удлиняется бесконечно, когда нужно изме-

рить труд капиталиста или защитников капитала.

Нужно доказать, что наемный труд, в том виде, в каком он существует, является только развитой формой рабства, что тот, кто получает заработную плату, осужден на то, чтобы получать ее всю жизнь, остаться рабом, прозябать всю свою жизнь среди постоянных лишений и при этом считать себя счастливым, когда удастся поесть досыта. При условии, что заработной платы на это хватит.

Само собою разумеется, я имею в виду работника физического труда, а не тех привилегированных, которые могут жить, как капиталисты, с помощью получаемого ими жалованья.

**

В качестве иллюстрации возьмем какого-нибудь ремесленника, скажем, сапожника.

Допустим, что он может сделать пару ботинок в день. Если он сделает две пары, или десять пар, то от этого расчет в конечном итоге не изменится, а цена будет уменьшаться по мере увеличения производства. За эту пару ботинок ему платят, скажем, 50 франков, а продают ее за 110. Ему придется работать два и одну пятую дня, чтобы купить себе эту пару ботинок.

Если ему удастся добиться, чтобы ему платили на десять франков больше за пару ботинок, то ему придется работать только два дня, чтобы ее купить, и еще останется прибыль в 10 франков.

Но—увы— промышленник, рассчитавший, что при данной цифре оборота ему должно остаться столько-то процентов прибыли, спешит прибавить эти десять франков повышенной заработной платы к продажной цене. Он будет продавать пару ботинок по 120 франков. Таким образом нашему сапожнику придется работать только два дня, чтобы обуться и он выгадает при этом одну пятую дня.

Но, увы!... здесь мы встречаемся с новым „но.“ Промышленник редко продает непосредственно потребителям, а поль-

зается более или менее значительным числом посредников, которые тоже, в большинстве случаев, станут ссылаться на повышение заработной платы, чтобы прибавить кое-что к своим прибылям, так что наш сапожник должен будет считать себя счастливым, если ботинки, которые он покупает для себя, обойдутся ему, как и до повышения его заработной платы, только в два и одну пятую дня.

„Да, скажут мне, но ведь ботинок за год покупают всего одну или две пары. Свою прибыль он сохранит во всех случаях, когда ему придется покупать другие, необходимые для жизни продукты. Каждый предмет окажется для него подешевевшим, что даст ему возможность больше потреблять“.

Это было бы так, если бы мы опять не натолкнулись здесь на целый ряд других „но“...

Сапожник сохранит приобретенную выгоду до тех пор, пока рабочие других отраслей производства, ободренные примером сапожника, не последуют его примеру и не потребуют и себе также повышенной платы. Это может продолжаться более или менее долго, но повышение заработной платы для одной отрасли труда не замедлит вызвать повышение в соседних отраслях. Спустя короткое время повышение всех видов заработной платы окажется сведенным к нулю повышением дороговизны всех продуктов, за немногими лишь исключениями. Иногда остается маленькая прибыль в пользу рабочего, а иногда — потеря.

„Безспорно, однако“, скажут мне, „что условия жизни для рабочих улучшились, а это говорит, следовательно, о том, что заработная плата не имеет такого неизбежного влияния на стоимость жизни, как вы пытаетесь доказать“.

В самом деле, положение рабочего улучшалось на протяжении веков, но это повышение благосостояния объясняется совершенно другими причинами, чем повышением заработной платы. Это последнее могло бы остаться без изменения, а усло-

вия жизни рабочего все же улучшились бы, как улучшились они и для самого капиталиста. С ходом общего развития повышается и общее благосостояние, и это не может не отразиться на рабочем.

— „И этим он воспользовался, чтобы повысить свои потребности“.

Нет, он их не увеличил. Правда, он получил возможность удовлетворять некоторые новые потребности и сильнее ощущает невозможность удовлетворения некоторых других потребностей. К несчастью, несмотря на все усилия, proletaria не удалось удержать в состоянии полного невежества. Трудная это задача — каждого удерживать на своем месте!

Во всяком случае, это повышение благосостояния весьма относительно, оно всегда остается в пределах заработной платы. Рабочий всегда может удовлетворить только часть своих потребностей, самые необходимые, а от удовлетворения других потребностей вынужден отказаться. При этом, чтобы не страдать от слишком тяжелых лишений, он должен принадлежать к числу привилегированных. Он не должен иметь слишком тяжелых семейных обязательств, не должен болеть от слишком продолжительных и дорого стоящих болезней и страдать от долгой безработицы. Заработная плата заместила цепь, которую рабочий приволакивал к своему господину, и эта цепь тем крепче, что она как будто дает некоторую свободу тому, которого она сковывает, тогда как на самом деле эта цепь держит рабочего на положении человека низшего и зависимого.

Я слышу возражение защитников Капитала:

„Сколько бывших рабочих на наших глазах становятся хозяевами, создают себе огромные состояния, не говоря уже о множестве таких, которым удается сделать сбережения и на старости лет жить на проценты с них“!

Давайте поговорим о таких рабочих. Путем сбережений, то-есть, путем прибавления новых лишений к тем, которые со-

ставляют удел всего рабочего класса, отказывая себе зачастую в самом необходимом, некоторые труженики — особенно домашняя прислуга — успевают отложить некоторые сбережения. Им удается освободиться от труда, конечно, но лишь продолжая лишать себя множества наслаждений, которые, однако, составляют принадлежность нормальной жизни, ибо являются потребностью для господ!

В молодости я наблюдал это в моей родной деревне. Крестьяне отправлялись в Париж на заработки, работали, трудились, чтобы „отложить кое-что“. Когда это им удавалось, они возвращались в родную деревню в надежде насладиться плодами своих трудов, но преждевременно умирали от добровольно понесенных лишений. Таково будущее наемного рабочего.

Как общее правило, тот, кто живет только заработной платой, никогда не становится свободным. Бывают редкие исключения. Люди, ведущие безрадостную жизнь, добиваются иногда того, что живут на проценты от сбережений. Обогащаются же только те, кому особенно посчастливится и кто, перестав быть рабочими, беззастенчиво начинает эксплуатировать своих недавних товарищей по несчастью.

Чтобы доказать это, нет никакой нужды в терминологии экономистов, которая только осложняет проблему, заставляя мысль читателя блуждать в запутанных формулах и терминах.

Для примера возьму такую фразу:

„В других отраслях промышленности, задача не в том, чтобы изменить форму предмета, а в том, чтобы только переместить его. Например, товары, ввозимые из Китая в Англию. Следовательно, не в этом смысле следует понимать материализацию труда в товаре. Иллюзия порождается тем, что отношения людей представляются в форме отношения вещей. Ясным остается то, что товар появляется в результате работы сделанной, ошестествленной, и что, следовательно, если он не принимает форму предмета, то может обладать только возможностью труда, не непосредственно, как живой труд, а необходи-

мым, который может казаться не имеющим практического значения, но который не безразличен при определении размеров заработной платы. Продуктивным трудом является, поэтому, лишь такой труд, который производит труд или продукт непосредственно, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит силу самого труда“. (История экономических учений, том II, стр. 34).

Я мог бы цитировать до бесконечности. Какой смысл в том, чтобы толковать о предшествующем труде — разве он не всегда является предшествующим, раз он является законченным, и разве оплачивается не только труд выполненный? Что означает возможность труда, живой труд?

Будем-ли мы изготовлять предметы или мыть посуду, или подметать улицу, перевозить товары из одной страны в другую, или только переносить их через улицу — разве все это не труд, не затрата силы и ума? — Сюда вкладывается в той или иной степени, и то, и другое, в зависимости от рода выполненного труда, или даже от способа, каким он выполнен.

Разумеется, есть много работ бесполезных, ненужных даже тем, для кого они делаются. Во всяком случае, эти работы бесполезны для общества. Одна из особенностей общества в том и состоит, что множество бесполезных работ делается для удовлетворения нескольких эсцентриков или маменьков, имеющих возможность растрачивать общественные силы, тогда как столько полезных работ ждут своей очереди тогда, иногда — целые века.

Экономистам нужны все эти тонкости. Разве не нужно различать труд и труд? Есть работы, которые требуют больше ума, чем многие другие работы, и не каждый умеет делать их. Было бы лишь справедливо, чтобы ум и талант лучше вознаграждались. Отсюда все эти классификации, которые, в сущности, являются не более, как китайщиной. Однако, их изобретателям удалось придать этой китайщине значение научности.

Таким образом, наше общество осно-

вано на неодинаковом вознаграждении за труд, яко-бы отвечающем личным заслугам, или благородству труда, и это, как кажется на первый взгляд, является идеалом справедливости. Разве это не практикуется в течение веков? Разве не в этом гарантия?

Об одном только забывают: о том, что не существует никакой мерки для определения усилий, затраченных каждым, еще менее того — для количества или качества способностей, проявленных при исполнении одной и той же работы. Все оценки и вычисления всегда приблизительны и как нельзя более произвольны.

Только измерение часами труда кажется на первый взгляд, справедливым, но на самом деле, и такое измерение не является справедливым, ибо в течение одного и того же промежутка времени одни работники могут проявить больше ловкости и умения и затратить больше силы, чем другие.

Чтобы применить такой способ измерения, нужно было бы установить среднюю цифру, как показатель того, что рабочие могут произвести в течение одного часа, и таким образом поставить в более выгодное положение более слабых, более медлительных, менее способных за счет более сильных или более способных.

„Пусть платят больше тем, кто производит больше в течение одной и той же единицы времени“.

Есть работы, к которым это не применимо. И так, и этот способ оказывается не более справедливым, чем остальные... В действительности необходимо, чтобы всякий социальный труд, будь это труд, считающийся низким и неприятным, выполнялся бы на таких же началах, и даже более тщательно, чем те виды труда, которые считаются более высокими. Если бы не оказалось „неразвитых“ людей, то нужно было бы, чтобы эти работы выполняли „развитые“.

В сущности, все эти различия больше существуют в нашем представлении, чем в действительности. Работы бывают толь-

ко приятные, неприятные или нейтральные. Все те, кто принимает участие в социальном труде — а я называю социальным трудом всякий труд, который направлен к удовлетворению наших потребностей — должны, по справедливости, иметь возможность удовлетворять свои нужды.

Да, но... это потребует иной социальной организации, а именно этого и не хотят допустить те, кто взял на себя защиту существующих учреждений.

Поверните этот вопрос, как вам будет угодно, но в конце концов вы идете к этому решению. Общество, в том виде, в каком оно существует, может сохраняться лишь с помощью произвола или чего-нибудь близкого к произволу. Чтобы вернуться к нормальному положению и к справедливости, весь его механизм должен быть изменен. Экономисты могут запутывать вопрос сколько им будет угодно, обсуждая его на мало понятном жаргоне, но они никогда не докажут, что справедливо и законно, чтобы люди, создающие все необходимое для жизни, были бы осуждены на жизнь, полную лишений, в то время, как люди, заставляющие их работать, имеют возможность удовлетворять не только все свои потребности, но сверх того, и все те капризы, какие могут подсказать им склонность к роскоши и праздности. Я, кажется, сказал уже это, но это не беда.

На страницах 50-51-ой тома второго названной выше книги, Марке разбирает вопрос о том, прав ли был Рикардо, пытаясь выяснить, влияет ли увеличение заработной платы на цену товаров, понижает ли она прибыль или повышает стоимость товаров.

Какая византийщина! Что общего между этим вопросом и законностью и незаконностью эксплуатации?

Если промышленник вынужден уступать требованию своих рабочих, то само собой разумеется — это было показано выше, — что первым его делом будет — если рынок позволит ему это — переложить на плечи покупателей то повышение,

„жержово“ которого он стал. Следовательно, товар повысится в цене.

Если конкуренция не позволит ему этого, то не менее очевидно, что его прибыли уменьшатся, если только он не вернет себе разницу путем более рационального переустройства своей фабрики, сокращения издержек. Но какой же отсюда вывод за или против законности наемного труда.

На странице 140-ой тома третьего той же книги я нашел следующее: „Ценность труда и количество труда остаются синонимами до тех пор, пока идет речь о труде овегцественном. Они перестают быть таковыми там, где речь идет о труде осуществленном и о труде живом“.

— Но что же называется живым трудом? Однако, пройдем мимо этого вопроса.

„Два товара обмениваются в зависимости от реализованного в них труда, т. е. в равных количествах. Мерою их ценности является затраченное на них время, поэтому „их ценность больше или меньше в зависимости от того, обмениваются ли они на большее или меньшее, таким способом измеренное, количество“. Если товар А содержит один день, то он обменивается на другой товар, содержащий столько же времени, и он имеет большую или меньшую ценность в зависимости от того, обменивается ли он на большее или меньшее количество труда, реализованного в других товарах. Ибо это соотношение обмениваемых товаров выражает только относительное количество труда, которое они содержат“.

Маркс только засоряет мозги, наравне с экономистами, с которыми он, будто бы, ведет борьбу. Вся эта выдержка не более, как пустословие с прибавлением еще лжи.

Не верно, что только вложенный труд устанавливает цену товара. Цена товара заключает проценты на вложенный капитал, наем фабрики, налоги, и, кроме того, пошлину, которая защищает промышленников одной страны от конкуренции промышленников другой страны, и тем да-

ет первым возможность повышать свои цены и лучше обкрадывать потребителя.

Надо принять в расчет сырой материал, который бывает естественным продуктом, но может стать и монополией. В последнем случае налоги часто не имеют других границ, кроме жадности того или тех, которые их присваивают. В расчет надо принять также повизну предмета, изготовление которого, по крайней мере, на первых порах — является монополией его изобретателя, который может тогда установить любую цену.

С другой стороны, вознаграждение труда не одинаково в разных отраслях промышленности. Плата портного не такая, как плата каменщика или ювелира, а плата чернорабочего ниже, чем плата квалифицированного рабочего. И, в зависимости от местности, заработная плата бывает не одинаковой в одной и той же отрасли промышленности.

Повторяю, нет и не может быть точной меры ценности. Конкуренция может помешать жадным промышленникам и купцам перейти известные границы, но не может совсем остановить их. И так как мы видим, что промышленники и коммерсанты умножают тресты и синдикаты с целью навязать свою волю покупателям, то один из хороших результатов конкуренции сводится этим путем к нулю.

Группировки потребителей в союзы сопротивления могли бы, правда, нанести поражение хозяйским синдикатам, но пассивность публики в настоящее время как будто не имеет границ.

..... Конкуренция капиталистов между собой, капиталистов с покупателями или покупателей между собой, приводит к тому, что в промышленности стоимость товара определяется общим количеством времени социально необходимого труда, общим количеством товаров в каждой особой отрасли промышленности, а не ценностью данных товаров, и не количеством труда, в которое каждый товар обходится своему производителю и своему особому продавцу“ (Та же книга).

Если я правильно понимаю Маркса, то он хочет сказать, что на рынке устанавливается средняя цена каждого товара, вычисляемая исходя из массы продуктов, а не в соответствии с расчетом каждого производителя. Затем же вся эта показная и ложная ученость. Что такое означает „общая масса времени социального труда, необходимого для производства всей массы товаров в данной специальной отрасли“. Ибо на самом деле все это верно только наполовину. Изобилие или недостаток имеет гораздо более сильное влияние, а благодаря трестам и картелям, о которых я говорил, промышленники уже приходят к регламентации производства.

Правда, на каждой странице мы наводимся на различия, которые существуют только в воображении Маркса и которые он изобретает для того, чтобы придать себе более ученый вид.

„Прибыль и прибавочная стоимость“ — „Масса прибавочной стоимости, влияющая на массу прибыли“. К этой неразберихе прибавьте „Уровень себе стоимости“ — „Реальные цены“ — „Цены производства“ — „Естественные цены“ — „Натуральная стоимость“, и при этом не забудьте потребительную стоимость и меновую стоимость. Ух! Больше не добавляйте — некуда!

Все, что я могу понять в этом, это то, что меновая стоимость есть товар, который я покупаю для перепродажи, а потребительная стоимость — тот товар, который я покупаю для потребления. По крайней мере мне кажется, что я это понимаю. Но, будь это стоимость потребительная или стоимость меновая, — какое все это имеет отношение к данному вопросу.

Меньше все тот, кто продает, заботится о том, что сделает его покупатель с проданным ему товаром.

Цены бывают оптовые и розничные. Цены оптовые, это, очевидно, цены для тех, кто покупает для перепродажи. Но продавцу нет дела до того, покупают-ли у него для перепродажи, или для пригото-

вления конфет для собственного употребления.

Каждый товар, который проходит через руки нескольких посредников, является меновой ценностью до тех пор, пока не поступает в руки потребителя, который превращает в ее потребительную стоимость. Но в таком случае, какой смысл имеет различие между двумя видами ценности? Только банковые билеты не потребляются, а всегда остаются меновой ценностью.

Наконец, опять-таки по Марксу, всякое предприятие требует постоянного капитала и переменного капитала. Но все это не более, как китайщина. Все эти тонкие различия могут дать повод лишь для ряда соображений, которые ничего общего не имеют с социальным вопросом.

Коммерсант или промышленник, вкладывающий капитал в свое предприятие, не станет разбирать, является ли часть этого капитала постоянной или переменной. Его расчет более прост: „Я вкладываю столько то, это должно принести мне дохода столько-то“.

Различать следует только капитал, употребляемый для покупки зданий, машин и инструментов, который вместе с рентой должен приносить прибавочную стоимость для амортизации.

Я знаю, что организатор всего предприятия считает капиталом также свои способности, свое умение, свои расходы на получение образования. Все это причина для того, чтобы увеличить его прибыли. Но Маркс не это имеет в виду, говоря о переменном капитале, хотя все это является таковым в первую очередь.

Я не хочу сделать отсюда тот вывод, что Маркс, в ходе своей критики, не сделал никаких удачных открытий относительно неразумности нашей социальной организации, но эти открытия не новы. Они были сделаны раньше теми, кто, не затрудняя себя учено-экономической тарбарщиной, сумели установить, что не все к лучшему в этом лучшем из капиталистических обществ.

Великая заслуга Маркса состояла в

MAX NETTLAU.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ

(Период 1871—1890 годов).

IV.

Парижская Коммуна (Март—Май 1871) была огромным событием, изменившим направление развития Интернационала, всего социального движения Европы и развития анархизма. Париж в руках социальной революции, автономной выборной организации, бросивший вызов всему государственному механизму, вдохновляемый всеми социалистами того времени, от продолжателей парижских традиций Французской Революции, бланкистов и других бунтарей 1848 года, до Федералистов - прудонистов и интернационалистов коллективистско - анархического направления — все это вместе взятое было невиданным подтверждением требований социализма и доказательством его силы и способности к мощному действию, его боевой энергии. Но ужасное поражение в мае, убийство многих тысяч, обращение всех других защитников возставшего Парижа в узников, согнанных в одно место, подвергавшихся грубому обращению и тысячами отправляемых в ссылку, в Новую Каледонию, или выделенных из массы для предания показательным и грубым судам, а затем расстреливавшихся непрерывно до 1873 года, с промежутками, достаточными для того, чтобы держать нервы в напряжении, — все это было жесточайшим из поражений революции. За этим поражением последовал период безжалостной мести побежденным и отвратительнейших клеветнических выступлений политиков, в их печати, против рабочего дела.

На деле Коммуна оказалась преждевременным возманием, логически вытекавшим

тем, что он вытаскил на свет отчеты фабричных инспекторов, которые являются одним из лучших обвинительных актов, когда-либо составленных против капиталистической эксплуатации, и при том еще имеют то достоинство, что неходят от чиновников капиталистического правительства.

Жан Грав.

из недовольства народных масс в Париже, организованных и вооружен. за время месяцев осады. Этому возманию легко удалось собрать запасы пищи и низложить ненавистное правительство в день 18-го марта. Это было правительство г-на Тьера, предпочтешего ускользнуть в Версаль в тот день, чтобы быть в состоянии вернуться назад с целой армией и раздавить Париж. Таким образом, победа была чрезвычайно легка, ибо все ненавидели правительство, но эти настроения только подтолкнули социалистов к занятию ответственной и рискованной позиции в качестве избранных членов Коммуны (26 марта), но не заставили их предпринять подлинно социалистические действия, выступления против частной собственности. Социалисты знали неподготовленность общественного мнения к таким действиям и воздержались от решительных мер. Таким образом буржуазия сделала их ответственными за социальную революцию, которая не была совершена. Им было трудно защищаться, ибо они сами воздержались от подлинно социалистических мер.

То же самое произошло в смысле политической организации. Для масс и для всего населения Коммуна была лишь протестом Парижа, вызванным лишениями осады, протестом против трусливого и реакционного правительства. Для бланкистов и якобинцев стоявших за традиций 1793 года, это было мощное городское самоуправление, поднявшее голову против государства. Для прудонистов это была первая из сорока тысяч общинных единиц Франции, долженствовавших образовать постепенно Федерацию и таким образом занять место в государственной администрации во всей стране. Для интернационалистов типа Варлена только Париж был социальной коммуной, будущей живой социалистической единицей. И, опять таки, все эти далеко идущие идеи не способны были развернуться и проявить себя более активно в силу того факта, что население в целом не

разделяло ни одной из них, как не стремилось оно к социализму, а понимало только гневный протест сегодняшнего дня против падшего правительства, оправившегося на провинциальных реакционеров и стремившегося унижать Париж.

При таком положении дел было бы вполне возможно прийти к соглашению на основе муниципальных свобод, которых Париж того времени еще не добился. Это было бы возможно, если бы правительство г. Тьера не стремилось нанести сокрушительное поражение всему, что было социалистического, уничтожить социалистические поколения 1818-1870 годов, стереть с лица земли социализм, как общественную силу во Франции, — что и было на самом деле совершено в период до 1880 года. Эта жестокая воля утопила Коммуну в крови и придала безнадежный вид борьбе против капитализма, каким он выглядел после баррикадной борьбы в Лионе 1834 г., после парижских баррикад июня 1848 г. Это третье поражение французского пролетариата оказывает свое влияние и до сегодняшнего дня, 60 лет спустя, ибо ни одна значительная попытка вооруженного восстания не имела места во Франции с 1871 года.

Таким образом перед Интернационалом и перед всеми рабочими Европы был факт героического выступления социализма и федерализма в дни 18 и 26 марта и факт кровопролитного безжалостного выступления капитализма, милитаризма и государственной власти, плававших в крови парижского народа в мае 1871 года. Все они придали себе храбрый вид и объявили себя теоретически и лично солидарными с Коммуной — и так же поступил Карл Маркс в своей "Гражданской войне во Франции", признав коллективное управление вещами более решительным шагом, чем государственное управление людьми. Так же поступили все анархисты и, конечно, все эмигранты Коммуны в Женеве и в Лондоне. Некоторые из них, как например Ж. Лефранс, разработали теорию федерального социалистического коммунизма, как систему, среднюю между авторитарным социализмом и анархизмом.

Однако, на практике и взглядах рево-

люционеров поражение Коммуны отразилось очень сильно. Перед глазами всех было немое молчание Парижа на протяжении многих лет, полное отсутствие Франции на съездах социализма, жестокий провал, напоминавший упадок движения на протяжении 50-х годов в результате событий 1851 года.

Теперь авторитарные социалисты стали проповедывать неверие в вооруженную революцию. Исключение составляли только бланкисты, которые, однако, никогда не обладали ни силой, ни верой, ни волей приступить к бунтарским действиям и, позднее, слились с политическими социалистами Франции, (гедистами) или были вовлечены в движения патристичес. социалистов (буланжистов). Социалистический парламентаризм 60 годов существовал на деле только в Швейцарии и Германии, теперь же он стал универсальной социалистической панопеей. Маркс называл его авторитарной частью Интернационала (1871, 1872) и этим вызвал раскол всей организации, которая могла быть единой лишь до тех пор, пока каждое социалистическое воззрение уважалось и ставилось в равные условия с другими и ни одно из них не делалось обязательным, как того захотел Маркс в вопросе о "политической борьбе", т. е. о борьбе с помощью избирательного востума.

Либертарные социалисты, этим желанием Маркса навязать свои личные идеи Интернационалу вынужденные отделиться от авторитарных федераций, составили одну группу в качестве реорганизованного свободного интернационала 1873 г. (Женевский Конгресс). Им помогали лишь несколько личных противников Маркса в Англии и несколько французских коммунистов. В качестве анархистов-коллективистов они имели в своей среде всю испанскую федерацию, которая осенью 1873 года насчитывала около 50 тысяч членов в 500 секциях, организованных по отраслям промышленности. Сюда входила также итальянская федерация, безконечно менее многочисленная, так как она ждала революционного подъема и не имела ни досуга, ни желания привлекать значительные массы членов, организованных по отраслям промышленности. Здесь же была федерация

швейцарской Юры, где идеи и защита труда были соединены, но где не было ни революционных задач, ни перспектив, как это и подобает Швейцарии. Находилась здесь и бельгийская федерация, где, однако, некоторые теоретики, как например, Цезарь де Пап и фламандская секция проделали обратную эволюцию в направлении к коммунизму, а затем к политическому социализму. Та же ретроградная эволюция имела место и в Голландии. Сочувствующие были также в тайных секциях юга Франции и среди французских изгнанников в Женеве, Барселоне, Берне и других местах.

Затем здесь был Бакунин, который медленно понял всю огромность поражения, но сохранил бодрость духа и оказал очень большую услугу делу в 1871-1872 гг. своей защитой дела коммуны и Интернационала против низких нападков Мадзини в его речах к итальянскому юношеству и рабочим. Этим самым Бакунин содействовал тому великому собранию вокруг Интернационала интеллигентных и энергичных элементов из числа сторонников Мадзини и Гарибальди. Это движение привело к созданию конституции итальянской Федерации в Римини в августе 1872 года.

Бакунин также очень много содействовал этому движению во время своего пребывания в Цюрихе летом 1872 года, и своим непрерывным сотрудничеством с М. П. Сажиним, а также (1872-1873) с Гольштейном, Элсвицем и Ралли. Совместно с ними он развеял предубеждения, возникшие под влиянием действий Нечаева в русских организациях. Нечаев был типом бланкетского заговорщика, ультра-авторитарного централиста. Его идеи и тактика, без жестокости, свойственной лично Нечаеву, напугали лишь очень немногих сторонников, вроде Турского, Ткачева и других. Другие русские социалисты отчасти вдохновлялись учением Бакунина в 1872-1874 гг., частью же оставались умеренными и удовлетворялись умеренной политикой Лаврова из "Вперед" (1873-1876, 1877) — органа, посвятившего себя пропаганде среди крестьян ("народники"). Несколько позднее, раздраженные жестокими преследованиями, главным образом против политических

террористов, убивших Александра II в марте 1881 года, многие социалисты примкнули к террористическим организациям. Эта позиция, укрепившаяся вследствие преследований, отодвинула личные взгляды социалистов на второй план. Много ростков анархизма в 1872-1874 гг. выросли под личным влиянием Бакунина и под влиянием его русских книг, главным образом "Государственность и анархия" и его знаменитого Прибавления II, о деятельности русских революционеров. Эти ростки не совсем погибли, и только рост их временно приостановлен был вследствие преследования террористов. Женевская "Община" 1878-1879 гг. была их последним и хорошо проработанным выражением в течение некоторого времени. Сам Кропоткин, столь поданный анархическим идеям в русских вопросах, воздержался от вмешательства с точки зрения, теоретически расходившейся с героической террористической борьбой. Каждый, кто не мог помочь этой борьбе непосредственно, наблюдал за ней в безмолвном потении, воздерживаясь от критики.

Анти-авторитарный Интернационал имел очень активных и способных защитников в лице Джамса Гильома, чья работа в юрском "Бюллетене" (1872-1878) и особенно в его кн. "Мысли о социальной организации" написанной осенью 1874 г. и напечатанной в 1876 году, — затем в лице Поля Брусса, очень активного молодого студента, в то время бывшего эмигрантом, активно выступавшего в Барселоне в 1873 году и в Швейцарии (начиная с осени 1873 года до конца 1878 года). Он отстаивал идеи революционного коллективистического анархизма, а с 1877 года — анархический коммунизм. В числе защитников Интернационала были также Рафаэль Парга Пеллисер, очень искусный печатник, и Жозе Барсия Виннас, студент медицины в Барселоне, Андриа Коста, Эррико Малатеста, Карло Кафьери, Эмилио Ковелли и много других социальных бунтарей, ранних коммунистических анархистов, группа которых существовала осенью 1876 года. Затем Элизе Реклю, Франсуа Дюмартерэ, Адриан Перрарэ, ранние французские коммунисты-анархисты (начиная с 1876 года) находившиеся в швейцарском изгнании, — Поль

Роберт в Лондоне, Петр Кропоткин в Лондоне, Бельгии, Швейцарии, Франции и Испании, в Женеве, в Лондоне и вблизи Женевы, в Савойе, — бельгийские анархисты в Веве, — русские Бакунии, Сажин, Ралли, Эльсвиц и другие, — первые германские сторонники анархизма в Берне: Рейнедорф, Эмиль Вернер, Ринкз и другие, приблизительно с 1876 г. Эти люди и многие другие, имена которых достойны упоминания — Швид Гельбель, Шпихтер, Луи Пинди (член парижской Коммуны), Морато, Сорриано, Франциско Томас, Ансельмо Лоренцо в Испании, Ф. С. Мерляно, Альбиесте Фаджиоли, Франческо Натто, Газзано Грасси и еще много других добрых товарищей в Италии, — все они поддерживали пропаганду в пользу коллективистического анархизма. Некоторые из них, главным образом итальянцы и французы, начиная с 1876 года, стали развивать идеи коммунистического анархизма.

Они действовали как революционеры, когда это было возможно: испанцы — в 1873 году при Алькойи и Сан-Люкар-де-Барро-медо, итальянцы в 1874 году в Болонье, Флоренции и Апулийских горах, а в 1875 г. в провинциях Неаполя и Беневенто. Они поддерживали связь между секциями Интернационала в качестве запрещенной подпольной организации в Испании (1874-1881) и в Италии и были близки к революционному восстанию в Испании в 1877 году и к аграрным бунтам по всей Андалузии, этой испанской Ирландии. Конгрессы, конференции, газеты, брошюры — всеми этими путями преданные и настойчивые сторонники анархических идей распространяли их в период глубокой революционной депрессии в 1871-1878 годах.

Мало ли, много ли, но это все, что могло быть сделано в те годы сокрушительного поражения парижской Коммуны и падения испанской Республики. Парламентарное отступление социалистов равнялось полному неверию их в дело революции, — неверию, ставшему символом веры вплоть до русской мартовской революции 1917 года, которая научила их тому, что революции все еще являются реальными возможностями, а не пережитками прошлого и не галлюцинацией анар-

хистов. В те дни торжества милитаризма и дипломатических интриг, подготовлявших "резанье" в дни балканского национализма, вызвавшего первый ряд войн, войны Греции и Рессы против Турции, в дни роста капитализма, создания государства Конго, борьбы за Африку, французского и германского колониального империализма, постепенного расширения английских владений в южной Африке, Египте, Судане, Бирме, и т. д., — большого достигнуть нельзя было. В те годы господствовал либертарный дух, пробудившийся в 60-х годах, снова упал. Я могу привести лишь очень короткий обзор — выступления Евгения Дюринга в Германии, университетского преподавателя экономических наук, который в 1872-1873 г.г. выступил против государственного социализма и в защиту системы федеративных ассоциаций, очень сходной с экономической организацией, предлагаемой анархистами коллективистами. На мой взгляд, теория Дюринга и возникла под их влиянием и под влиянием парижской Коммуны, которая была первым крупным выражением недоверия государству и попыткой обойтись без него. Оттого, Дюрингу самому не доставало либертарного духа и воли. Хотя он оказал влияние в качестве противоядия против марксизма в Германии, и хотя Маркс и Энгельс чувствовали это влияние, как занозу в боку, но как раз та часть этого учения, которая здесь упоминается, меньше всего была чужда. Сам автор не очень занимался этой частью своей теории в позднейшие годы, хотя некоторые даровитые его последователи вновь открыли ее и выдвинули ее на первый план 20 лет спустя, в начале 90-х годов, и тем еще раз помогли поколебать веру в марксизм (к этому я вернусь еще позднее).

Другим, достойным упоминания событием, была большая забастовка железнодорожников линии Пенсильвания — Охайо в 1877 году, приведшая к столкновению в Питтсбурге и бунтам, которые Элизе Реклю приветствовал, как Питтсбургскую Коммуну, и которые, хотя и не долговечные, отметили собой пробуждение американских рабочих от веры в личный успех и в политическую борьбу. С тех пор социалистическое движение в

Соединенных Штатах выдвинуло левые течения, сторонники социальной революции стали выступать против защитников избирательной борьбы и, шаг за шагом, более интенсивными стали усилия борцов, пока годы 1881-1886 не принесли с собой расцвет социально революционной борьбы. Сознательные коллективисты-анархисты, сильнее всего бывшие в районе Чикаго и быстро возраставшие в числе, развивали свое движение быстрым темпом вплоть до трагического периода, начавшегося в мае 1886 года, когда капиталистическая репрессия снова раздвинула надежды рабочих на процессе 11 ноября 1887 года.

**

В конце 70-х годов особые обстоятельства, вроде преследования издававшейся Полем Брюссом газеты "Авангард" и осуждения сильной группы, которая могла бы принять этот вызов, понудили Кропоткина взять большую часть работы на свои плечи и основать журнал "Револьте" (февраль 1879 г.). В то время существовали лишь чрезвычайно слабые секции в нескольких странах, очень слабые газеты, очень небольшое число активистов, из которых многие были уже истощены тяготами личной жизни, а другие потеряли бодрость духа или поддались иллюзиям избирательной борьбы. Правда, велась также борьба, направленная к социальному бунту: недовольство прлазских земельных арендаторов, приведшее ко многим жестоким столкновениям, затем обострившиеся бедствия андалузских рабочих, совершивших несколько отчаянных актов аграрного террора; подобные же настроения замечались среди голодавших тогда итальянских рабочих. Кроме того, на лицо была деятельность русских террористов, сосредоточившихся на борьбе против царя, но никогда не перестававших надеяться на восстание крестьян.

К этим реальным факторам следует прибавить, особенно по мнению Кропоткина, твердую веру в то, что возвратившиеся французские коммунары и французские рабочие, пробудившиеся от удивления, после сокрушительного удара 1871 года, создадут движение, которое вновь приведет к Коммуне, и что на этот раз Коммуна будет настоящей

социалистической Коммуной, и не только в Париже, но и в каждом большом городе Франции. От такой Коммуны можно было ожидать, что она будет самостоятельным организмом для целей экспроприаций и что она создаст множество таких же коммун. Такова была надежда и вера Кропоткина в 1879-1882 годах, почерпнутые на французских митингах, где такие надежды действительно находили себе выражение. Кропоткин пришел к заключению, что приближается французская революция, масштаба Великой Революции. Это побудило его высоко поднять знамя и выдвинуть задачи непосредственной экспроприации, вслед за которой должен был прийти коммунистический анархизм. Он сделал это впервые в своей статье "Парижская Коммуна," напечатанной 20 марта 1880 года (позднее эта статья вошла в качестве главы в его книгу „Речи бунтаря“). В октябре 1879 года на юрском Конгрессе он провозгласил: "Коммунистический анархизм, как цель, и коллективизм, как переходная форма собственности." (Револьте, 18 октября 1879 г.).

Таким образом, в марте 1880 года он отбросил мысль о коллективизме, как переходной форме, т. е. мысль о создании нового порядка вещей путем организации распределения в соответствии с количеством работы, выполненной каждым производителем. Он стал на точку зрения, что меры и расчеты должны быть отброшены, и что коммунизм, т. е. работа и вознаграждение по усмотрению каждого, должен быть немедленно осуществлен. Сказалось ли здесь влияние Реклю, с которым Кропоткин как раз тогда начал сотрудничать над выпуском, посвященного Сибири тома "Географии" Реклю (том 6-й, 1881, 918 стр.), — этого я не могу сказать. В начале осени Кропоткин, посоветовавшись со своими женеvскими друзьями Дюмартера, Герцигом, Кафьеро и Реклю, предложил Юрскому Конгрессу 1880 года, состоявшемуся в Шо-де-Фон 9 и 10 октября, принять для Юрской Федерации коммунистический анархизм. Это было принято, и с того времени обвинение в отсталости, в сохранении системы наемного труда и авторитарной организации для подготовки и поддержания этой системы, — это обвинение стало выдвигать

гаться многими пропагандистами против коллективистического анархизма, который в течение 13-ти лет был гордостью анархистов, и который сам Кропоткин защищал в октябре 1879 года, как переходную форму к более высокой цели, к анархическому коммунизму. Теперь стали утверждать, что применение мерки к труду приводит обратно к власти и что, путем накопления сбережений теми, кто выполнял бы больше работы, общество пришло бы обратно к капитализму. В этом усмотрены были зародыши реакции, которые следовало отринуть.

— Эта перемена произошла после ухода Джемса Гильома, который отошел в мае 1878 года. Иначе он мог бы сказать, что лишь очень узкое понимание коллективизма превратило его в теорию постоянного наемного труда, тогда как для него, — а также для испанских товарищей, — эта теория была бы лишь системой, обеспечивающей рабочему “полный продукт его труда”, иными словами — без вычетов в пользу государства и капиталистических эксплуататоров и паразитов, хотя и с вычетами в пользу народного образования, общественных работ, содержания инвалидов и стариков местной единицы или федерации таких единиц. Вне этого, ассоциация или группа свободна была бы в выборе между коллективистической, коммунистической или средней между ними организацией, в зависимости от решения своих членов. Кроме того, Гильом в своих “Мыслях” 1874 г. (1876 г.) определенно рекомендовал постепенный прогресс от вознаграждения за выполненную работу к совершенно свободному пользованию продуктами труда. Он лишь обусловил это зависимостью от производительности, так как свободное пользование продуктами предполагает изобилие их.

Таким образом, свобода группы устраиваться по своему усмотрению и серьезное соображение о количестве явились возражениями, выдвинутыми, вероятно, коллективистами (от имени которых говорил Швингбель), но Конгресс 1880 года не согласился с ними, ибо, как я уже сказал, с коллективизмом казались связанными всевозможные опасности реакции. После революции, когда в работу вложен был огромный прилив све-

жей энергии, а быстрый ход изобретений и, сберегающих труд машин привели к накоплению огромных запасов продуктов, были сметены все сомнения, вызванные постановкой вопроса о количестве.

На Кропоткина, кроме того, повлияло принятие термина “коллективизм” французскими марксистами и Бенуа Малоном, а также решительное признание термина “коммунизм” бланкистами. Он ненавидел марксистов, но, подобно многим социалистам тех дней, питал слабость к бланкистам, когда Бланки был еще жив (он умер в конце 1880 года) и считался одним из наиболее уважаемых революционеров тех лет. Так или иначе, но этим путем, совместными усилиями Реклю, который был коммунистом всю свою жизнь, Кафьеро, итальянского коммуниста с 1876 г., и Кропоткина изменение было сделано и не встретило никакой оппозиции во французских, бельгийских, французско-швейцарских и итальянских группах. В Испании же этой перемены не замечали в течение годов. Эта перемена совершенно не привлекла внимания Погана Моста, когда он приступил к изложению своего понимания анархизма.

Означала ли эта перемена забвение коллективизма, как единственного средства? При том положении, какое существовало в годы 1880-1882, когда усиленная революционная агитация велась во Франции анархистами, наиболее широко охватывающая, наиболее решительная доктрина казалась наиболее способной разбудить народ и заставить его действовать. Коммунистическая идея была в высокой степени приспособлена к этой цели, она представляла все дело таким простым, изображала его так, что все будет достигнуто единым порывом и что никто не остановится на полпути. В своем письме к Юрскому Конгрессу 4-го июня 1882 года Кропоткин — впервые, повидимому — ссылается в печати на мнение Бланки, что революцию надо считать неудавшейся, если в течение 24-х часов рабочие не почувствуют улучшения в своем положении вполне осязательным образом, — и что немедленная экспроприация, переселение в лучшие квартиры, свободный доступ к пище, должны осуществиться в срочном порядке. Отсюда воз-

пикли бы неслыханное воодушевление и порыв к работе и, таким образом, положено было бы начало организации нашего общества на началах свободного коммунизма, и уже ни кто не стал бы думать о возвращении к индивидуальным расценкам и вознаграждению за выполненную работу.

В этом историческом очерке я могу только вкратце изложить мой вывод, что это чуждое изображение анархизма, осуществляемого единым махом, ускоренного голодными массами, которые получают немедленные выгоды и после этого всегда уже работают с неослабным рвением и потребляют без корыстной заинтересованности, — все это было рассчитано так, чтобы привлечь к анархизму много людей, настроенных так же, как и сам Кропоткин. Однако, эта теория показала, вероятно, неудовлетворительной тем, кто не пылал подобным оптимизмом. Знакомая с социалистическими доктринами и жизнью и характерами их творцов, мы находим в них поразительно сходные черты. Так обстоит дело и в данном случае. Кто трудился так неутомимо, как Кропоткин и пользовался вознаграждением с такой непритворливой умеренностью, как Кропоткин? Он был типом коммуниста-анархиста, о каком он сам мечтал. Столь же безкорыстным был Кафье-ро, таков же был Реклю. Они часто жили одним рисом и сливами и были непритворливы так, как никто из нас. Те же качества безкорыстия и непритворности свойственны Малатесте, но он имел и имеет гораздо большее соприкосновение с подлинной жизнью, чем любой из названных товарищей, поэтому Кропоткинский оптимизм никогда не удовлетворял его, как мы увидим. На ораторов парижских митингов это производило огромное впечатление, они спешили навстречу анархической идее, никогда не позволяя ей застояться ни на минуту и подвергнуться загрязнению при столкновении с действительностью. Если кто-нибудь говорил, что достаточно 4-х часов ежедневной работы, то другой возмещал, что достаточно двух часов. Говорят, что таким образом они дошли до 20-ти или 30 минутного рабочего дня, и что неслыханное изобилие накопленных продуктов делало бы всякую организацию для продолже-

ния работы ненужной уже в самые ближайшие годы.

В восьмидесятых годах мы наблюдаем кипение нового анархического коммунизма. Принцип ассоциаций по необходимости ослабел под этим импульсом, а принцип организации был поколеблен на долгие годы. Если все доступно в изобилии при минимуме труда, то ассоциация и сотрудничество становятся лишь новым бременем и препятствием к свободному пользованию общественным запасом продуктов. Организация становилась оковами автономии, авторитарной помехой. Лондонский Интернациональный Социально-Революционный Конгресс 1881 г. (с 14 по 20 июля) отмечает собою отвержение какой бы то ни было организующей формы, как, напр. Интернационал либертарного типа, какой придал ему Женевский Конгресс 1873 года. Тот же Конгресс признал лишь номинально и против желания некий призрак организации, а в сущности не более, как комиссию с функциями лишь передаточного пункта для переписки в качестве способа интернациональной связи между группами разных стран. Эта организация исчезла год спустя и имела лишь кратковременное существование в течение 1881-1882 годов. Другими словами группы пользовались независимым существованием и считали себя притесненными при одной мысли о задаче, выполняемой по постановлению коллектива групп.

Личная точка зрения Кропоткина была совсем не такова. В тесном контакте с юрскими секциями и французскими секциями Юга, Востока, лионскими и сент-этненскими группами долин Роны, он всегда стремился вдохновить к совместному действию и организации, но был безсилен сделать это по отношению к парижским группам, группам Юго-Запада и Юга Франции, к району от Бордо и Пиренеев до Марселя, где анти-организационные течения и самые категорические, безусловные формулировки свободного коммунизма менее всего были общепризнаны в движении 1880-1882 годов. То же самое еще в большей степени наблюдалось в годы 1883-1885, когда Кропоткин, Готье и пропагандисты Лиона и Сент-Этьена были

в тюрьме, а Жан Грав, никогда не бывший организатором, но никогда не стоявший за полное отрицание организации, отсутствовал из Парижа, живя в Женеве в течение многих месяцев и работая над "Ле Революта". Когда Кропоткин был освобожден (январь 1886 г.), он вообразил, на основании того, что он видел в Париже за время своего короткого пребывания там, что описанные здесь тенденции уже исчезли. Однако это было не так, они продолжали существовать и всегда шли параллельно с его собственными успехами.

Малатеста усиленно добивался на Лондонском Конгрессе 1881 г. (душою которого он был и в недолговечной комиссии которого он был самым активным членом) содействия интернациональному сотрудничеству, по группы, стоявшие против всякой организации, главным образом французские группы, оказались сильней. В качестве революционера и коммуниста, стоявшего за экспроприацию, он в своих итальянских статьях 1884 года защищал, разумеется, идеи коммунистического анархизма, но совсем не в форме той исключительности, которая считала местный, частичный или временный коллективизм реакционной тенденцией. Он никогда не стоял за ту нетерпимую форму, которая соглашалась допустить лишь одну форму и устраняла все разнообразие организационных форм. Никогда он не был пропитан тем духом отрицания организаций, по принципу, который ожидал всего от самопроизвольных, моментальных комбинаций усилий и считал планомерность, подготовку недопустимыми авторитарными принуждениями. Ни широко распространенный народный диалог "Среди рабочих" и "Программа и организация Международного Общества Рабочих" (оба изданы во Флоренции в 1884 году), ни доктор Мерлино в своих книгах "Анархия" (Флоренция 1887) и "Социализм или монополизм" не высказываются за описанный выше ничем не ограниченный неорганизованный коммунизм, а наоборот, предостерегают против него. В статьях Мерлино того времени такое понимание называется "аморфизм", т. е. аморфиз (отсутствие форм). Такое состояние может быть достигнуто на

позднейших этапах, когда все станут анархистами, когда полное доверие станет преобладающим среди людей и когда изобилие продуктов будет обеспечено. Но единым прыжком перескочить к этому совершенству при мо от капитализма казалось не реальностью, слишком неправдоподобной, чтобы на нее можно было рассчитывать. Невозможно ожидать, что мировое движение, накапливающее силы для разрушения современного строя, разовьется на почве такого утверждения веры или чаяния. Мерлино выступал в защиту договорных соглашений, на первых шагах, — соглашений, которые обеспечивали бы более или менее совершенное применение коммунизма в соответствии с местными условиями и по мере постепенного продвижения к более совершенным формам на этом базисе.

Мерлино не слушали. Всякий такой совет, рекомендовавший осторожность, очень многими считался анти-революционным. Тем не менее, в 80-х годах движение на началах коллективистического анархизма или на основах коммунизма (движение Малатесты), были реальными и широкими движениями во многих странах. Укажу на Испанский Интернационал и Испанскую Районную Федерацию Рабочих, непрерывно существовавшую с 1870 1888 года, — затем на германское движение, образовавшееся вокруг Иоганна Моста. Несколько позднее возникло движение рабочих, говоривших на немецком и английском языках в районе Чикаго, в Америке (до трагического периода 1886-1887 годов). Укажу также на большое общественное движение в Австрии с 1881 г. до начала 1884 г., — на немецкие группы в Швейцарии в 1881-1885 годах, — на итальянские секции, реорганизованные Малатестой и другими в 1883-1884 г., — на британское социалистическое движение 80-х годов, созданное анархистами в роде Джозефа Лейн и бывшие, на протяжении многих годов (1883-1890), в тесной солидарной связи с Вильямом Моррисом и Социалистической Лигой (1885-1890). Сюда же относятся группы Ю.-В. Франции того времени, когда Кропоткин был в тесной связи с ними (1881-1882); эти гр. мало расходились с его взглядами и тактикой, которые никогда не были направлены в сторону анти-

организации и никогда не были аморфистскими, подобно взглядам парижских и других групп.

Сравнительно с семидесятыми годами, когда существовали лишь редкие разбросанные, подпольные секции, эти большие открытые общественные движения в Испании, части Франции, Австралии, Англии, части Соединенных Штатов и части Италии, являются чрезвычайно замечательными движениями. Анархические идеи и дух были подлинно живы в 80-х годах. Было бы необходимо развивать движение по тем же линиям и прививать этот дух все растущим массам населения. Но общим явлением было то, что такая спокойная и постоянная работа никогда не считалась достаточно успешной с точки зрения тех, кто верил только в пропаганду идей в их самой неограниченной форме и в принятие самых безкомпромиссных способов борьбы. Отсюда возникло равнодушие и даже вражда, как принципиальная, так и личная по отношению к умеренным и организованным движениям. Некоторые участники движения сочли себя вынужденными прибегнуть к актам, которые, хотя и давали им личное удовлетворение, зачастую ценою их собственной жизни, но навлекали репрессии, преследования и приводили к подрыву всего движения в данной местности. По причине этих все усиливающихся правительственных репрессий все движение распалось, загнано было в подполье и уже не возродилось. Позднее, в конце 80-х годов, наступило время, когда осуществилось по крайней мере это желание: анархисты достигли минимума организованности и желали не быть организованными во все.

Оглядываясь назад на эти 50 лет, прошедшие с 1880 года, нельзя не видеть в настоящее время, что пламенные революционные чаяния того времени выросли из ошибочных суждений. Во Франции, когда установлены были, начиная с 1880 года, свободы слова, собраний, союзов, то все социалисты последовали уйти в политику. Никто и пальцем не шевельнул для борьбы за новую коммуну, зато возник спор за места в муниципальных советах. Аграрные движения в далеких Андалузии и Ирландии были подавлены или от-

ведены в политические каналы, как, напр., в Ирландии. Царизм фактически раздавил террористические группы в течение 80-х годов, как это столь патетически показывает Вера Фигнер в своих воспоминаниях.

Изолированные акты социальной мести по отношению к отдельным жестоким работодателям во Франции, изолированные акты индивидуальной экспроприации в разных странах, изолированные случаи убийства единичных полицейских чиновников в разных местах, даже события огромного масштаба, вроде Геймаркетских событий в Чикаго 4-го мая 1886 года, — все это не вызвало коллективных действий, не привело к широкому народным движениям сочувствия. Самым большим событием было возстание шахтеров в Бельгии весной 1886 г. и бунт лондонских безработных в 1886 году, а также столкновение на трафальгарском сквере в ноябре 1887 года, — но роль анархистов в этих вспышках недовольства, вызванных острой нуждой, была мала, и они чувствовали это повсеместно, в каждом отдельном случае. Таких образом, возможности революции в действительности еще не существовали и было бы благоразумно перейти к прямой пропаганде самого открытого и широкого характера, вместо того, чтобы попытаться ускорить события путем нескольких индивидуальных актов, воображая при этом, что дело близится к социальной революции, что обыкновенная пропаганда едва ли еще нужна. Это отсутствие правильного понимания было тем более роковым, что в 80-х годах авторитарные социалисты сделали очень большие успехи, создали свои рабочие и социалистические партии, организовали широкие массы для завоевания свободы и избирательных прав и объединили рабочих в их социалистических синдикатах.

Таким образом, в течение этих 80-х годов большинство анархистов, вольно и невольно, вынуждены были вести существование в форме разбросанных групп, свободных, конечно, от всяких посторонних влияний или вмешательства, но за то отделенных от масс, с которыми, во времена Интернационала, они старались быть в тесном соприкосновении. Авторитарные социалисты, слабые и

дотаточно дискредитированные в течение первых годов упомянутого периода, выдвинулись на первый план и завоевали массы, до которых голос и протесты анархистов доходили со все возрастающими затруднениями. Я не упускаю здесь из вида, что анархисты делали героические попытки вернуть себе утраченную почву, но после таких попыток те же самые причины — отвращение к коллективному, согласованному усилию — опять привели их к изоляции и уменьшили их численность.

Итак, последний период коллективистического анархизма в Испании, особенно в годы 1886-1893, представляет собой прекрасное зрелище. Коммунисты-анархисты, в лице некоторых групп, относились к коллективистам с насмешкой и пренебрежением, называя их ископаемыми, но их самих считали чрезвычайно односторонними и примитивными фанатиками. Сами коллективисты, ознаменовавшиеся в 1886 году с более соответствующими изложениями коммунизма, — с английскими произведениями Кропоткина, главным образом — и услышав позднее, в конце 1891 года, Малатесту во время его испанского лекционного тура, когда он излагал коммунизм в указанном выше духе, пришли к тому, что стали считать это понимание равноправным с их собственным пониманием и сделали заключение, что только будущий опыт сможет решить, кто был прав. Поэтому многие из них придерживались того, что они называли “анархизмом без этикета”, просто анархизма, отказываясь связывать себя и тех, кого привлекала их пропаганда, с какой-нибудь экономической доктриной, еще не проверенной на опыте. Каждую доктрину должны проверить на будущем опыте деятели грядущих времен, и только они могут решить, что правильно, а что неправильно, что следует принять, а что отвергнуть.

Эта беспристрастная оппозиция, рекомендовавшаяся всем группам международного объединения на конференции ее 1889 и 1897 годов, не была принята, и на это предложение даже редко обращали внимание анархисты других стран. Они стояли за единое экономическое решение, считая необходимым бороться со всеми другими экономиче-

скими взглядами. Реалистичные люди поступили бы так же, как они поступили, наука же разматривала бы все такие предвидения будущего, как простые гипотезы. Она стала бы на сторону испанских товарищей, которые 40 лет тому назад придерживались экономического агностицизма, хотя лично они при этом имели свои собственные экономические убеждения, близкие их сердцу. Однако, они не считали, что их желания или предпочтения были свободны от возможности ошибок.

Те же самые испанские коллективисты-анархисты добровольно отказались от своей старой организации, которая, в сущности, была организацией Интернационала 1870 г., — в пользу экономической организации агрегата различных антикапиталистических организаций — “Федерации Сопротивления Капиталу,” — и агрегата групп различных анархических течений — “Анархической Организации.”

Они были единственными анархистами, которые, начиная с 1886 года, примкнув к американской инициативе, стали готовить первомайские выступления не как простые демонстрации, а по примеру широко распространявшихся знаменитых генеральных стачек в Каталонии, в мае 1890 и 1891 г.г. Репрессии после андалузского аграрного бунта в январе 1892 г., равнодушие многих анархистов к согласованным усилиям и жестокое преследование с применением пыток, следовавшие за некоторыми индивидуальными террористическими актами в последние месяцы 1893 года, подорвали дальнейшее развитие этого прекрасного и широкого движения.

Другая сочувственная попытка была сделана Малатестой после его возвращения из Аргентины, где он провел время с 1885 года до середины 1889 года, после его побега из Италии. Он вернулся и стал издавать газету “L'Assoziazione”. Он же предложил объединить анархические группы в новый интернационал — “Интернациональную Социалистическо-Анархическую Революционную Партию”. Уже это название показывает, что он был противником всяких односторонних доктрин. В социалистическом анархизме бы-

ло место для коммунистов и коллективистов. Слово "социалистический" было прибавлено в качестве указания на то, что речь шла об анархистах, признававших социализацию частной собственности, так как школа американских индивидуалистов-анархистов (Б. Р. Тукер) состояла из анархистов, стоявших за частную собственность и отвергавших все, что носило социалистический характер.

Это предложение Малатесты, благоприятно встреченное в Испании, не нашло никакого отклика в других странах. Даже в Италии, после 1-го мая 1891 года и позднейших преследований, принцип организации был отвергнут, хотя и не так решительно, как во Франции. Не следует думать, что я через чур высоко ценю организацию. Я — последний, кого можно в этом обвинить. В очень многих случаях обычные дружеские отношения между группами делают организационные связи совершенно бесполезными: здесь налицо взаимное доверие, сходство взглядов, личные отношения. Отсюда само собой возникает соответствующее сотрудничество, когда к тому представляется случай, совершенно так, как два друга не имеют никакой нужды в формальной связи для того, чтобы помогать друг другу при определенных условиях. Никто не может возразить против этого. Но были также и анти-организационисты, настроенные против даже таких дружественных отношений. Они считали, что их автономии причиняется ущерб каким бы то ни было соглашением или обязательством, требовавшим точного выполнения. В каждом, кто пытался согласовать усилия, они видели диктатора, общественную опасность. Такие преувеличения вставляли палки в колеса всякой солидарной работе.

В общем эти тенденции к распылению были сильнее в 80-х годах, чем тенденции к координации. Существует, повидимому, противоречие между этим чрезмерно осторожным скептицизмом, видевшим в наиболее активных товарищах прежде всего будущих

начальников и диктаторов, и чрезмерной доверчивостью тех, кто считал, что после социальной революции люди станут продуктивно сотрудничать, и что вся задача производства и распределения будет почти автоматически выполняться без дальнейших препятствий и затруднений. Да, это противоречие существует, и оно объясняется склонностью к абстрактным рассуждениям, доводившим до предельных крайностей, какие может построить мысль в каждом вопросе.

Этот риторизм, пренебрегавший предостережениями Малатесты и Мерлино, подстегнутый несравненным оптимизмом Кропоткина и укрепленный молчаливым согласием Реклю, хорошо понимавшим, что это была лишь переходная ступень, которая будет пройдена тем скорее, чем меньше будет вмешательства со стороны, — все это характерно для 80-х годов, когда анархизм, до тех пор развивавшийся в маленьких группах, стал известным и приемлемым для значительного более широких слоев народа, главным образом среди французских, немецких, английских и американских рабочих, которые вложили в него иное понимание, чем малочисленные группы ранних его сторонников.

Я пытался объяснить все это путем ссылки на подлинные источники в моей книге "Анархисты и социальные революционеры" (издана на немецком языке в 1931 году, 409 стр.), дающей изложение периода 1881-1886 годов, а также в моей рукописи такого же объема, если не больше, почти законченной этой зимой и доводящей изложение до периода 1886-1894 годов в разных странах. Изложенное выше представляет собою некоторые из моих выводов. В следующей статье я добавлю еще изложение французского движения периода 1886-1891 годов, а затем перейду к рассмотрению периода 1895-1914 годов в истории наших идей.

М. Неттлау.

23 Марта 1931 г.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

КАК ПОНИМАЮТ АНАРХИСТЫ АНАРХИЗМ

(Окончание)

“Результаты к которым может привести синдикальное движение, определяются идеями и действиями того сознательного меньшинства, которое, добиваясь влияния на рабочее движение, дает ему определенное направление...” (110). Ибо вести экономическую борьбу — значит стремиться к улучшению материальных условий своего существования, защищая свои интересы. А интересы, которые широкая масса считает своими действительными интересами, часто сталкиваются с еще более глубокими общечеловеческими чувствами, и тогда она может предпочесть измению самопожертвованию. Кто знает сколько самопожертвования и безкорыстия требуется для того, чтобы двинуть массы на борьбу за идеи, тот не станет полагаться на „силу вещей“ и свободную игру интересов.” (111)

Потому что „если достаточно организовать рабочих для экономической борьбы, представляя и оставляя остальное естественному ходу вещей, то зачем привлекать рабочих в „Итальянский Синдикалистский Союз“, вместо „Всеобщей Конфедерации Труда“ (в „Индустриальный Союз“ вместо „Американской Федерации Труда“, или в „Региональную Рабочую Федерацию Аргентины“ вместо „Синдикального Союза Аргентины“). Ведь и те и другие — организации рабочие, и те и другие ведут борьбу экономическую. Однако какая разница. Каждая из них — такова, каково меньшинство, состоящее из людей одушевленных различными идеалами и обладающих различными темпераментами...” (112)

Поэтому „для нас синдикат есть прежде всего средство пропаганды, агитации и революционного действия. Поэтому синдикат должен иметь возможно более широкие связи с рабочей массой, чтобы вести действительную экономическую работу и должен иметь возможно больше членов, чтобы представлять

широкое поле для пропаганды и служить могучим орудием преобразования в день народного восстания. И вот почему он должен быть или казаться нейтральным.

„Дать синдикатам определенную программу, которая бы шла дальше общих положений классовой борьбы, значило бы поставить на место синдикатов партийные группы анархистов, социалистов или республиканцев...” (113)

„Мы стремимся распропагандировать массы и поэтому должны искать подходящую среду для этой цели... Только оставаясь анархистами, не следует смешивать цели со средствами.” (114)

XIII.

КАК ПОНИМАЮТ АНАРХИСТЫ РОЛЬ ТРУДА И ТРУДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

„Анархия не отрицает, а освобождает и облагораживает труд человечества“.

* * *

„Одна из опасностей революции будет... ненависть к работе, которую она наследует от современного общества...” (115) Особенно ясно можно было себе дать отчет об этом, когда приходилось переживать революции, или даже когда только „казалось, что революция стучится в двери. Многие среди бедных людей, многие труженики серьезно думали, что наступает момент, когда не нужно будет работать, или можно будет заставить работать исключительно хозяев. Были многие, кто не давали себе отчета в существовании такой очевидной вещи, что хозяев слишком мало, чтобы заменить громадную рабочую и крестьянскую армию на об-

113) Э. Мазатеста — „Ответ Л. Бертони“ см. „Голос Труда“ Буэнос Айрес № 154.

114) Там же.

115) Луиджи Фабри — „Проблема свободного труда в Анархии“, см. Приложение „La Протеста“ № 323 от 15 марта 1930 г. стр. 70.

110) Там же.

111) “ “

112) “ “

ширном поприще труда и что, помимо этого, они были бы окончательно неспособны дать обществу те определенные продукты, в которых больше всего была бы нужда.

„Революция людей, которые бы не имели воли к труду, — которые бы претендовали только отдохнуть некоторое время или работать меньше, — была бы революцией, осужденной на поражение. Под давлением необходимости образовались бы скоро организации принудительного характера, которые, за отсутствием вольного и добровольного труда, нас вернули бы опять к режиму принудительной работы и, следовательно, и к эксплуатации ее.

„Поэтому необходимо, чтобы уже теперь, до революции, создалось в сознании трудящихся и, особенно, революционеров и анархистов убеждение, что революция означает жертвование, а не бездельничание; что во время ее развития будет необходимо бороться не только против вооруженных врагов, но также и против жизненных трудностей — в этот момент более тяжелых — **настойчивой работой**, более интеллигентной и более утомляющей. Если работа будет делаться добровольно и в мере, требуемой необходимостью, тогда — хорошо, революция восторжествует. В противном же случае эта работа будет делаться все равно, но по принуждению; а это будет означать, что режим принудительный и эксплуатационный создан еще раз развалинах старого и что революция еще раз потерпела поражение в своих целях.

„Одна из самых важных вещей, которую, поэтому, должны будут делать анархисты в самый разгар революции, это — **организация свободного и добровольного труда**.

„С сегодняшнего же дня — все равно близка или далека революция — нужно проникнуться этой необходимостью. В то же самое время, необходимо создавать в пролетариате вообще и в революционерах в особенности это сознание необходимости труда и, не убаюкивая себя надеждой на чудеса, разрабатывать, базируясь на доступных элементах существующего общества те формы анархической организации, которые позволили бы продолжать производство необходимого для жизни во время и после революции.

„Общество будет анархическим не тогда, когда будут побеждены революцией враги свободы и уничтожены институты, делающие невозможным какое бы то ни было анархическое строительство, а лишь тогда, когда найдется также и достаточное число личностей, которые захотят жить и организоваться анархически. И, ясно, достаточное чтобы создать соответствующее общество, могущее жить независимо экономически, самоуправляясь и защищать свое существование. Существование личностей, которые захотят жить анархически, само собой, предполагает, что они будут иметь волю к труду. В противном случае никакая анархия не будет возможной.

„Было бы опасной ошибкой и неточным зов для будущего, если-бы из-за желания привлечь наибольшее количество приверженцев к своему делу, продолжали бы, как принято теперь, описывать цели наших боев — новое общество, к которому мы стремимся и которое должны готовить духовно уже и теперь — как удобное ложе для бездельников и где жизнь будто сможет протекать без борьбы, без противоречий и без усилий. „Это далеко — не так!“ должны мы сказать громко и ясно трудящимся и всем тем, которые захотят присоединиться к нам в нашей борьбе за лучшую справедливость, за более широкую свободу; что в новом обществе, более человечном и более цивилизованном, жизненные обязанности будут большие, более тяжелые и более серьезные для всех вместе и для каждого в отдельности.

„Нет! Работать не будет означать то же самое, что освободиться и делать гимнастику, как утверждают некоторые идиоты, мечтающие о земном рае: а будет нередко усилие и также жертвование.

„Труд, организованный на основах справедливости и равенства, несмотря на все технические и организационные усовершенствования, все так всегда будет означать мускульное и мозговое усилие; и чем больше будет усилие, тем больше будет удовлетворение успехом.

„Человеческая жизнь будет, таким образом, освобождена от многих борб и мно-

гих страданий низшего порядка, являющихся следствием несправедливой общественной организации; будет излечена от многих болезней и несчастий, созданных угнетателями государственными и классовыми. Жизнь общественная и умственная будет, таким образом, выше настоящей. Но борьба только трансформируется (примет другой вид), но не исчезнет; контрасты (противоречия) будут менее жестокими, менее материальными, но не менее острыми. И боль, это рессора прогресса человечества — менее грубая, но более глубокая и бурная — будет продолжать быть вечным возбудителем и очистителем душ.

„Тогда — как бывает вообще, так же и теперь, с людьми выше развитыми и более прогрессивными — всякая победа и всякий успех будет иметь ценность не столько по своим материальным плодам и благам, которые получаются от них, сколько, специально по усилию, по риску и боли, которые они стоили человеку, который их предпринял и от них страдал свободно и добровольно, и из факта, что он их осилил и победил, он получает наибольшую радость.

„Тогда хлеб, добытый в поте лица своего — не потом подневольных рабов, крепостных и наемных рабочих, а благородным потом свободного человека, который работает добровольно для наибольшего блага всех — действительно будет самым приятным и важным, и верным символом действительной радости жить“...117).

XIV.

Как понимают анархисты организацию производства во время социальной анархической революции.

„Анархия не может создаваться силой“.

Э. Малаatesta.

„Каковы будут формы, которые примет производство и обмен?

„Скорей всего все возможные способы владения и пользования средствами производства и все способы распределения продуктов будут испытываемы одновременно в одних и тех же или в разных местностях, — будут переплетаться и связываться разными

117) Там же.

способами, пока практика не научит какой-либо, или каковы из них будут лучшей или лучшие формы!

„Но каково решение, которое... кажется лучшим и к каковому пужно было бы стремиться присоединиться?

Большинство анархистов называют себя коммунистами „потому что коммунизм... кажется идеалом, к которому человечество присоединится по мере того, как будет расти любовь между людьми и обилие производительности их освободит от боязни голода и, таким образом, разрушит главные препятствия к братствованию между собой. Но, право, больше, чем практические формы экономической организации, — которые неизбежно должны будут приспособливаться к условиям и всегда будут в непрерывной эволюции — важен дух, который будет воодушевлять эти организации и метод, которым будут приходить к таковым: самое важное это — чтобы они были руководимы духом справедливости и желанием всеобщего благосостояния и чтобы к этому приходили всегда свободно и добровольно.

„Если действительно имеются свобода и дух братства, — все формы тогда ведут к одной и той же цели: человеческой эмансипации, и закончат примирением и слиянием. Напротив, если же отсутствуют свобода и стремление к всеобщему благосостоянию, тогда все формы организации могут содержать в себе несправедливость, эксплуатацию и депотизм.

„Дилемма, перед которой окажется революция, всегда останется та же самая: или организовать добровольно и для пользы всех, или быть организованными силой правительства и для пользы господствующего класса.“ 118).

XV.

Как понимают анархисты защиту социальной анархической революции.

„Никакая революция: ни мирная, ни кровавая, не может совершиться без того, что

118) Э. Малаatesta — „Несколько разсуждений о режиме собственности после революции“, см. „Le Reveil“, Женева от 30 ноября 1929 г.

бы новые идеалы глубоко не проникли в тот самый класс, которого экономические и политические привилегии предстоит разрушить."

П. А. Кропоткин.

"Вопрос не в том, как избежать революции, — ее не избежать — а в том, как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, т. е. с наименьшим числом жертв и, по возможности, не увенчивая взаимной ненависти."

П. А. Кропоткин.

"Нам нельзя... относиться отрицательно к сторонникам других партий как к отдельным лицам, но, напротив, уважая их как людей, стараться привлечь их на свою сторону, оставаясь непримиримым по вопросу о соглашении с ними как с партийными людьми" "Полная терпимость к людям, к какой бы партии они ни принадлежали; полная нетерпимость к программам других партий..."

Из доклада на конференции русских А. К. в Лондоне в 1906 году.

"Все... классы должны исчезнуть с поверхности... земли, не как личности, а как классы."

М. А. Бакунин.

"Имеется важная проблема революционной тактики, которую всегда стоит обсуждать еще и еще раз. Потому что от ее решения может зависеть судьба будущей революции" (119).

"Вопрос идет о тех методах „насилия, которые некоторые хотели бы применить, что бы „совершить правосудие“ и которые другие считают необходимым для того, чтобы совершить революцию, не смотря на козни врагов ее."

"Оставим „правосудие“, понятие довольно но относительное, которое всегда служило предлогом всем угнетателям и всем несправедливостям и которое часто означает ничто иное, как месть. Ненависть и жажда мести суть чувства неукротимые, которые угнетение естественно пробуждает и питает; но если они могут быть полезной силой, чтобы сбросить ярмо, они также суть и силы отрицательные, когда пытаются заменить угнетение не новым угнетением, а свободой и братством всех людей. Из этих соображений мы должны стараться возбуждать высшие чувства, которые питают всю энергию в кипучей любви к добру, хотя и стараюсь не уни-

чтожать тот пыл, который произрастает из факторов и хороших и плохих, но который нужен для победы. Пусть лучше масса действует, следуя своему воодушевлению, чем, под предлогом лучше руководить ими, ставить им препятствия, которые выливаются в новую тиранию. Будем всегда помнить, что мы, анархисты, не можем быть ни мстителями, ни судьями. Мы хотим быть освободителями и мы должны действовать как таковые при помощи пропаганды и примера."

"Указав на это, займемся теперь самым важным вопросом: о защите революции."

"Имеются некоторые, которые ослеплены идеей террора. Этим кажется, что гильотина, расстрелы, избиения, высылки, каторжные работы... будут сильнейшими и необходимейшими орудиями революции, и они думают, что если столько революций было подавлено и они не дали ожидавшихся результатов, то из за доброты и слабости революционеров, которые недостаточно преследовали, душили, избивали."

"Это есть ходячий предразсудок в некоторых революционных кругах, предразсудок, который имеет свое начало в риторике и в исторических фальсификациях защитников великой французской революции и который в последние годы усилился, благодаря пропаганде большевиков."

"Но правда — как раз противоположное: террор всегда был инструментом тирании. Во Франции он служил подозрительной тирании Робеспьера. Он очистил дорогу Наполеону и последовавшей за ним реакции. В России — преследовал и убивал анархистов и социалистов, избивал невооруженных рабочих и крестьян и задержал в конце концов, порыв революции, которая, в противном случае, могла бы открыть цивилизации новую эру."

"Те, кто верят в революционную и освободительную силу обуздания и жестокости, имеют ту же отсталую психологию, что и юристы, которые верят, что можно предупредить преступление и облагородить мир при помощи строгих наказаний."

119) Э. Малатеста — "Революционный террор", см. "Ревиста Бланка" № 178 от 15 октября 1930 г., стр. 226-27.

"Террор, как и война, обнаруживает атавистические чувства зверства, еще плохо прикрытые доском цивилизации, и ведет на

первые места плохие элементы, которые имеются в толпе. Вместо того, чтобы служить интересам защиты революции, он служит дискредитированию ее, делает ненавистной массам и, после периода зверской борьбы, кончает, неизбежно тем, что террор называем "установлением порядка", т. е. узаконением и увековечиванием тирании. Какова бы ни была победившая партия, она всегда приходит к созданию "сильного правительства, которое обеспечивает одним спокойствие за счет свободы, а другим господство без особой опасности". 120).

Мы знаем хорошо, что анархисты, при верженцы террора (как бы мало их ни было), борются против организованного террора, совершаемого по приказу правительства его платными агентами, но хотел бы, чтобы сама масса перебила своих врагов. Но это не сделает ничего иного,* как только ухудшит положение. Террор может быть приятен фанатикам, но больше всего он на руку настоящим злодеям, жаждущим денег и крови. Бесполезно идеализировать массы из простых людей, которые могут, ясно, совершать эксцессы (излишества), но которые всегда воодушевлены хорошими намерениями. Полицейские шайки, охранники и фашисты служат буржуазии, но вышли из массы.

"В Италии фашизм впитал в себя много преступных элементов и, таким образом, до известной степени очистил среду, в которой будет действовать революция. Но все таки, не нужно думать, что все Думини и все Цезарино Росси (убийцы Матеоти) — фашисты. Имеются среди них некоторые, которые, по одному или другому соображению, не хотели или не могли превратиться в фашистов, но которые готовы совершить во имя "революции" то, что фашисты совершали во имя "отечества". А, с другой стороны, так как все искажители всех режимов всегда бывали расположены поступать на службу к новым режимам и быть их наиболее ревнивыми охранителями, так что фашисты сегодняшние будут готовы объявить себя завтра анархистами, или коммунистами, или вообще чем угодно, просто для того, чтобы продолжать

быть господствующими и удовлетворять свои плохие инстинкты. Если же не смогут сделать этой в своей стране потому, что их знают, они уедут далеко и будут искать случая показать себя более свирепыми, более жестокими, более "энергичными", чем другие, третируя умеренными, трусами, контр-революционерами всех тех, которые понимают революцию, как великое творение добра и любви.

"Ясно, революция должна защищаться и должна непрерывно развиваться. Но не должно, невозможно защищать ее средствами, которые находятся в противоречии с ее целями.

"Великими средствами защиты всегда еще продолжают быть отнятие у буржуазии экономических средств господствования, всеобщее вооружение (пока возможно будет отбросить всякое оружие как вещи ненужные и вредные) и добиться, чтобы вся громадная масса населения была заинтересована в победе.

"Если же для того, чтобы победить необходимо было бы ставить гильотины на площадях, я бы предпочел быть побежденным." 121).

"Нет сомнения, что необходимо защищаться, но от системы защиты зависит в сильной степени судьба революции. Ибо, если для того, чтобы жить, необходимо было бы отказаться от смысла и цели жизни, и если для того, чтобы защищать революцию, необходимо было бы отказаться от побед, которые являются главнейшими целями самой революции, тогда было бы предпочтительнее быть с честью побежденными и спасти смысл будущего, чем победить, предав собственные цели.

"Нужно обеспечить внутреннюю защиту, радикально уничтожить все буржуазные институты, сделав невозможным какой бы то ни было возврат к прошлому.

"Бессмысленно хотеть защищать пролетариат против буржуазии, поставив последнюю в более низкие политические усло-

120) Там же

121) Там же.

вия.“ 122)

При анархической революции “все... классы должны исчезнуть с поверхности земли, не как личности, а как классы“ (123).

Помимо этого, анархизм „не жесток, он в тысячу раз человечнее якобинства... политической революции. Он несколько не помышляет против личностей, даже самых злых, прекрасно зная, что все люди, дурные или плохие, лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали общество и история. Социалисты (анархисты), правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее зростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической резне.

“Социализм (анархизм) будет вести беспощадную войну против “социальных положений, не против людей“.

“Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но, поборов их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: “Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали нагими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всем другом, первый шаг труден, и мы по-братски поможем вам переступить его“...

„Что касается их детей, то без всякого сомнения они сделаются мужественными и с людьми равными и свободными“ (124).

..А до тех пор, пока будут люди имущие и люди неимущие, — имущие всегда закончат тем, что обойдут законы; даже еще больше, как только рассеются первые народные возбуждения, будут именно они те, кто усядутся у власти и будут составлять законы.

122) Э. Малатеста — Предисловие от 1922 г. к книге Л. Фабри — “Диктатура и Революция” исп. изд. Буэнос Айрес, 1923 г. стр. 19—20.

123) М. Бакуини — “Послание моим итальянским друзьям” см. “Избранные сочинения” изд. Москва, 1927 т. 5, стр. 200.

124) Там же, стр. 200-201.

“Напрасны также и полицейские меры, которые хорошо могут служить для угнетения, но которые никогда не будут служить для освобождения.“ (125).

Но еще более напрасен, хуже чем напрасен, убийственен есть призыв к революционному террору... Террор есть опасность и совсем не гарантия успеха для революции. Вообще террор обрушивается на наименее ответственных, придает ценность наихудшим элементам, — тем самым, которые были бы сыпиками и палачами при старом режиме и которые счастливы, что могут проявлять во имя революции свои мелочные интересы.

“И это, если вопрос идет о народном терроре, проявляемом непосредственно массами против своих прямых угнетателей. Но если потом террор должен будет быть организован центром, совершаться по приказу правительства и при помощи полиции и так называемых революционных судов, тогда он был бы самым верным средством, чтобы убить революцию и был бы практикуем больше чем для того, чтобы вредить реакционерам, — против любителей свободы, которые бы не подчинялись приказам нового правительства и вредили бы интересам новых привилегированных.

“Работать для защиты, для победы революции, заинтересовывая всех в ее успехе, уважая свободу всех и отнимая у всех не только права, но также и возможности эксплуатировать труд других.

“Не подчинять буржуев пролетариям нужно, а уничтожить и буржуазию и пролетариат, обеспечив каждому возможность работать как лучше он захочет и поставив всех — всех людей, способных к труду — в условия невозможности жить не работая.

“Социальная революция, которая после победы все еще находится в опасности быть побежденной классом, лишенным власти, есть революция, которая остановилась на пол-пути, и чтобы обеспечить себе победу, ей нужно только следовать всегда вперед, всегда глубже и глубже. (126).

125) Э. Малатеста — “Предисловие” от 1922 г. к книге Фабри — “Диктатура и революция”, стр. 20-21.

126) Там же.

А если бы даже революция и должна была быть защищаемая с оружием в руках, то это всегда сделает народ и лучше и быстрее, чем какое бы то ни было правительство, или какой бы то ни было правящий центр. Лучше всего доказала это русская революция. Пока массы верили в революцию, она была почти безкровная и защищалась массами добровольно и с таким успехом, как этого не смогла бы сделать никакая дисциплинированная и обученная армия.

Путем агитации была совершена февральская революция, "путем речей и братания было преодолено контр-революционное восстание Корнилова. Путем агитации и планирования захвата учреждений — без боя — было сброшено правительство Керенского. Те же методы применялись... против казаков генерала Краснова... Но здесь успеха не было... Передовые казачьи группы продвинулись совсем близко к Петрограду, и мы готовились к тому, что главная борьба произойдет на улицах города...

"Но в военном аппарате все было разрушено, разложено... Офицеры отстранились, многие бежали, винтовки были в одном месте, патроны в другом. Еще хуже обстояло с артиллерией. Орудия, лафеты, снаряды — все находилось в разных местах и все это приходилось разыскивать опунью. У полков не оказалось в наличии ни саперных инструментов, ни полевых телефонов. Революционный штаб, который пытался наладить все это сверху, наталкивался на непреодолимые препятствия.

"Тогда мы решили обратиться непосредственно к рабочим массам. Мы изложили им, что завоевания революции находятся в величайшей опасности, и что от них, от их энергии, инициативы и самоотвержения зависит спасти и укрепить режим рабочей и крестьянской власти.

"Это обращение почти сейчас же увенчалось огромным практическим успехом. Тысячи рабочих двинулись по направлению войскам Керенского и занялись рытьем окопов. Рабочие оружейных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции, устанавливали их, орга-

низовали интендантскую часть добывали бензин, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фуражи, поставили на ноги санитарный обоз, словом, создали весь тот боевой аппарат, который мы тщетно пытались создать сверху из революционного штаба." (127).

Вот как, по словам даже Троцкого, защищали народные массы революцию, пока они считали ее своей. И так всегда народ защищал все революции, жертвуя собой и своим благосостоянием, пока не разочаровывался, видя, что плоды их жертв хотят использовать другие в свою личную или групповую пользу. Революции социальной и в интересах народных нечего бояться ни контр-революционных выступлений, ни нападений извне. Такую революцию народные массы всегда защищали и будут защищать.

Пусть этот пример, один из многих, Российской революции послужит на пользу всем.

Но допустить создание специализированных сил полицейских и военных означало бы, что революция остановилась на полпути и что опять массам и анархистам придется вновь начать борьбу за полное уничтожение власти. "Допустить же зануздать себя, в надежде быть руководимыми лучше, не может привести ни к чему другому, как рабству". (128). "И если бы для того, чтобы не рисковать поражением..., мы должны были бы рисковать сами убить революцию, мы бы оказали плохую службу делу революции." (129).

XVI

Как понимают анархисты социальную анархическую революцию.

"Революция не импровизируется. Она не делается по воле отдельных личностей, или даже самых могущественных ассоциаций. Они независимы от всякой воли и всякой конспирации, всегда происходят в силу хода самих вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыва."

М. А. Бакунин.

"Не с программами, уже выработанными

127) Л. Троцкий — "К истории октябрьской революции". Нью-Йорк, стр. 74-75.

128) Э. Малагета — "Предисловие".

129) Там же.

теоретически, должны мы приступить к организации общества, какое мы хотели бы иметь, но с готовой в нашем мозгу схемой общества каким мы его понимаем."

Жан Грав.

"Если бы для того, чтобы победить необходимо было бы ставить гильотины на площадях, я бы предпочел быть побежденным".

Э. Малатеста.

"Отойти от анархических концепций, это — впасть немедленно же в концепцию доминирования и эксплуатации человека человеком..."

Ибо хотя "несомненно, что экономические системы представляют более или менее большую ценность, но что всегда являются решающим это — дух, которым одержимы революционеры..."

"Быть революционером означает прежде всего быть человеком доброй воли. Поэтому или широкие массы будут проникнуты доброй волей, — революции нечего будет бояться отдельных недовольных или закоренелых буржуев; или массы этого не будут иметь и — снова кончат тем, что увидят себя вынужденными исполнять приказы людей, жаждущих, главным образом, власти."

"Все аргументы приверженцев диктатуры, революционной власти, рабочей власти, руководства сводятся к одному: "Ну, а если народ не революционен?" — Ну и чтож, никто за него не сможет быть таковым. И вот где именно большая иллюзия тех, кто считает себя призванными спасти народ против его воли. Самые ненавистные тираны создаются именно благодаря этому. Потому что тот, кто считает, что работает для народа, будет еще более безжалостным чем тот, кто только считает себя учителем, облеченным правом беззастенчивым, кастовым, классовым. Тиран по доброй воле — более кровожаден, чем тиран по необходимости."

Всем этим печальникам народным не мешает "напомнить здесь тот лозунг, которым они так прожужжали уши: „Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся“. Хотя „помимо анархистов, всякий социалист понимает этот лозунг, в сущности, не иначе как в смысле: что дело трудящихся будет состоять главным образом, в выборе себе руководителей и в полном подчинении им“."

История всех общественных движений и революций нас учит, что только сами трудящиеся смогут освободить себя от власти и эксплуатации. „Всякий же, претендующий на спасителя революции, может привести ее только к неудаче, что в общем итоге приводит нас к тому выводу: что или народ революционен, или же не будет революции.“ (130).

Ибо "революция есть нечто неизмеримо большее, чем ряд восстаний в деревнях и городах; большее, чем простая борьба партий, как бы кровопролитна она ни была; большее, чем уличная война и гораздо большее, чем простая перемена правительства, подобная тем, какие происходили во Франции в 1830 и 1848 годах."

"Революция это — быстрое уничтожение, на протяжении немногих лет, учреждений, установившихся веками и казавшихся такими неизбежными, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них. Это — распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях, по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада."

"Это, наконец — зарождение новых понятий о равенстве в отношениях между гражданами, которые скоро становятся действительностью и тогда начинают распространяться на соседние нации, переворачивают весь мир и дают следующему веку его лозунги, его задачи, его науку, — все направление его экономического, политического и нравственного развития."

"Чтобы достигнуть таких крупных результатов... еще недостаточно... чтобы... проявилось известное идейное течение, как бы это течение ни было глубоко; недостаточно... и одних народных бунтов, как бы они ни были многочисленны и как бы широко они ни распространялись. Нужно... чтобы революционное действие... совпало с движением рево-

130) J. Бертони — "Faisons vivre la revolusion" — см. "Le Reveil" от 25 января 1930 года.

люционной мысли..." 131)

И поэтому "будущая революция — революция неизбежная — будет анархической только пропорционально нашему числу, нашей смелости и нашей подготовленности.

Анархия не делается силой. Хотение навязать ее было бы бессмысленным противоречием. Анархия победит полностью только тогда, когда мы все будем анархистами. Но так как в данных условиях невозможно чтобы все стали анархистами, революция есть условие предшествующее анархии. Революция, которая уничтожала бы силой существующее положение вещей и сделала бы, таким образом, возможным поднятие масс до условий, которые сделали бы их способными понять и жить в Анархии...

"Что мы можем и должны так же защищать силой, это — наше право на самую полную свободу автономной организации и экспериментации (испробования) наших методов. Остальное будет сделано последовательно, — прогрессивным развитием наших идей среди масс.

"Все это не можем сделать мы сами, потому что мы — недостаточно сильны, но также не было бы и желательно, чтобы мы это сделали сами, ибо, тогда, мы бы фатально увидели себя в положении правителей и изменили бы, таким образом, нашим специфическим задачам...

"Революция, чтобы быть действительно освободительной, не должна быть частной, созданием одной школы, или одной партии, а должна быть делом масс, как можно большего количества масс...

"Мы уверены, что все трудящиеся — революционеры, не смотря на различие в названиях различных движений, в которых они активизируются, имеют в сущности те же чувства, то же жгучее желание человеческой эмансипации. А мы чувствуем себя братьями всех и желаем бороться как можно более в согласии со всеми"... 132).

Поэтому "идея свободы, свободы для

всех, кажется нам самой солидной и подходящей нитью, чтобы привести нас к цели... через лабиринт бесконечных расхождений, несогласий и делений, которые стоят на нашем пути в каждом прогрессивном и революционном движении. И это не только во время самой революции, посредством которой будет произведено материальное разрушение иститутов экономического и политического угнетения, но также и внутри широкого и сложного движения, которое подготавливает эту революцию уже в настоящий момент. Также затем после революции, во всяком переустройстве общественной и личной жизни, которое за ней последует." 133).

Ибо "мы стремимся к революции анархической: революции, которая развилась бы многообразно, в зависимости от разных материальных и моральных условий различных местностей, разных коммун, разных корпораций; которая принимала бы разный цвет в зависимости от преобладания в разных местностях той или другой партии, и которая пришла бы к общей цели посредством последовательной гармонизации интересов и воли, а не посредством авторитарного навязывания, исходящего сверху...

"Свобода для всех... и мы смогли бы кооперировать сегодня, чтобы уничтожить существующий строй и также помогать друг другу завтра для развития и строительства более счастливого революционного будущего." 134).

Поэтому "мы вовсе не думаем, чтобы следовало выработать совершенно определенную программу на случай революции. Подобного рода программа могла бы только стеснять действие...

"Будем помнить, что для того, чтобы в день восстания могла выявиться идея, более или менее, всеобщая, необходимо неустанно выставлять наш идеал общества, должеству ющего развиваться из революции. Если мы хотим быть практическими, будем постоянно

131) П. А. Кропоткин — "Великая Французская Революция", изд. Москва 1922 г. стр. 2-3.

132) Э. Малатеста — "Партии в революции".

133) Л. Фабри — "Проблема гармонии сил в революции". Приложение "Ла Протеста" за 1930 год.

134) Э. Малатеста — "Что означает диктатура пролетариата".

палагать то, что реакционеры всех оттенков всегда называли „утопиями“, „теориями“. Для успеха дела, теория и практика должны составлять одно целое.“ (135).

“Нужно быть совсем незнакомым с законами истории, чтобы вообразить, что когда нибудь целая обширная страна сделается поприщем необходимого для экспроприации опыта... (136). Ни одна страна, „ни тем менее Европа, не сделается вдруг странами анархическими. Но мы знаем также, что с одной стороны глупости правящих, а с другой — непрестанная пропаганда-идей, вызовут крупные нарушения равновесия, т. е. революции — целый ряд революций. Тогда мы сможем и мы должны будем действовать...“ (137).

“В революции необходимо, чтобы все насущные интересы всего народа были соблюдены, и чтобы ее потребности и ее стремление к справедливости были соблюдены.

“Провозгласить хороший принцип еще недостаточно: надо суметь применить его к жизни...“ (138).

Также нужно хорошо помнить, что „недостаточно, чтобы люди понимали, что им выгодно жить без постоянных забот о будущем и без унижительного подчинения тем или другим власть имущим. Одного этого мало: нужно еще, чтобы и изменилось понятие о собственности и соответствующие им нравственные воззрения“. (139).

Ибо „каждому великому событию в истории соответствует известное изменение и развитие в нравственности человека“. (140)

“Главное во время социальной революции будет — не переделка политического строя, а вопрос о хлебе для всех; вопрос об удовлетворении основных потребностей населения

135) П. Кропоткин — „Речи бунтовщика“, стр. 305-308.

136) Там же, стр. 301.

137) Там же.

138) П. Кропоткин — „Послесловие“ от 5 декабря 1909 г. к „Речам бунтовщика“ см. изд. Москва, 1921 г. стр. 338-348.

139) Там же.

140) Там же.

ния: в пище, жилищах, одежде и т. д.“ (141).

Поэтому мы всегда должны иметь в виду следующее: „Какие формы сможет принять социальный переворот, чтобы наиболее безболезненно перейти от личного и капиталистического производства с целью наживы к производству и товарообмену, организованному самими производителями и потребителями для наилучшего удовлетворения всех нужд населения?...“ (142).

Из изучения реальной жизни, анархисты пришли к следующим выводам:

“Первый из них был тот, что производство нищи и всякого товара, а затем товарообмен представляют такое сложное дело, что планы социалистов — государственников, неизбежно ведущие к диктатуре партии — окажутся безусловно неудовлетворительными, как только начнут прилагать их к жизни.

“Никакое правительство не будет в силах... наладить производство, если за это дело не возьмутся сами рабочие... в каждой отрасли производства, в каждом ремесле, — потому что в каждом производстве есть и каждодневно будут возникать тысячи трудностей, которые никакое правительство не сможет ни разрешить, ни предвидеть.

“Заранее предначертать все невозможно: нужно, чтобы сама жизнь и усилия тысяч умов на местах содействовали развитию нового строя и находили наилучшие условия для удовлетворения тысячи проявлений местных потребностей.

„Теоретические планы перестройки, конечно, не бесполезны в подготовительном периоде... Но вместе с тем, они слишком упрощают предстоящую человеческую задачу: и если начать осуществлять эти программы, то жизни им не наладить. Произойдет от них такая разруха, которая может привести к самой злой реакции...“

“Второй... был следующий: современная экономическая жизнь образованных народов строится на ложном основании... (143), и что „путь к развитию благосостояния народов лежит в соединении земледелия и про-

141) Там же.

142) Там же.

143) Там же.

мышленности, а не в разделении на народы промышленные и народы земледельческие..." 144).

Также увидели, что "мы всегда не так богаты, как это кажется" 145) и поэтому "мы все должны понять, что едва в стране начинается революционное движение, — единственный разумный исход состоит в том, чтобы фабричные рабочие, крестьяне и все граждане, сами, с самого начала движения взяв в свои руки все народное хозяйство, организовали его сами и направили свои усилия к быстрому увеличению всего производства. Но убедиться в этой необходимости они смогут только тогда, когда все общие заботы о народном хозяйстве, предоставленные теперь по старой привычке целой ораве всяких министров и комитетов, будут представлены, в простой форме, перед всяким селом, деревней и городом, перед всякой фабрикой и заводом как их собственное дело, и будут предоставлены им, в их собственное за ведывание..." 146).

"Изучение действительной жизни народов неизбежно приведет нас к заключению... что социальный переворот невозможно совершить диктатурой..."

„Мало того... мы имеем право утверждать, что перестройка общества на социалистических (анархических) началах будет невозможна пока фабричная обрабатывающая промышленность, а следовательно и благосостояние фабричных рабочих будут строиться, как они строятся теперь, на эксплуа-

тации крестьян своего же народа, или других народов.

"Нужно помнить, что теперь не одни капиталисты являются эксплуататорами чужого труда и "империалистами"... По мере того, как рабочие принимают участие в политическом управлении, они тоже заражаются завоевательным империализмом..." 147)

"Ужасы пережитой войны и ее бедственные последствия во всем мире, а также русская революция (1917-1918 гг.) несомненно вновь поставят во всем мире ребром вопрос о необходимости социального переворота..." 148). И "ясно, что образованным народам предстоит целый ряд войн, еще более кровопролитнейших и еще более дикарских, если они не совершат у себя социального переворота и не перестроят своей жизни на новых более общественных началах..."

"Но совершать такой переворот невозможно путем диктатуры и власти. Без широко го строительства снизу — самими крестьянами и рабочими — социальный переворот будет обречен на неудачу. Русская революция еще раз подтвердила это, и нужно надеяться, что этот урок будет понят: что везде в Европе и в Америке будут приложены серьезные усилия, чтобы создавать среди всего трудового класса — крестьян, рабочих и так называемой интеллигенции — кадры предстоящей революции, действующие не по указам сверху, а способные сами выработать вольные формы всей новой хозяйственной жизни" 149).

А. Горелик.

144) Там же

145) Там же.

146) Там же.

147) Там же.

148) Там же.

149) Там же.

На могиле чикагских мучеников

„Настанет время, когда наше молчание в гробу будет сильнее того голоса, который вы теперь заглушаете“.

(Из речи А. Спиза на суде).

Моей давней мечтой всегда была мысль — быть в Чикаго на могиле пяти погибших анархистов — Линга, Парсона, Спиза, Фишера и Энгеля — этих пионеров американского анархического движения, о которых мне тайком пришлось слышать еще в России, по о процессе и мученичестве которых я много читался, будучи уже в Америке. Благодаря моей недавней поездке на анархическую конференцию в Чикаго, мне удалось быть на могиле наших незабвенных товарищей, и память о них невольно воскрешает бывшее чикагской трагедии.

Чикагская трагедия — одна из самых и вместе с тем трагических страниц в истории анархического движения Америки.

В 1886 году, как известно, в Америке замечался сильный рост рабочего движения. Организованные американские рабочие вели борьбу за достижение 8-ми часового рабочего дня и готовились вместе с тем, к объявлению всеобщей забастовки на 1-е мая 1886 г.

Всеобщая стачка была объявлена во многих крупных промышленных городах Америки. Стачное движение проявилось с большой силой и быстро расширялось. Всего заметнее оно оказалось в гор. Чикаго. Здесь капиталисты были не в шутку встревожены его размахом. Помимо самой по себе стачки, рабочие беспорывно устраивали здесь массовые митинги, на которых всегда присутствовало по несколько тысяч человек, и речи, произносившиеся на этих митингах Парсоном и Спизом, например, были направлены против капиталистов — эксплуататоров и против капиталистической системы вообще.

Главным требованием, выставленным рабочими в то время, был, как уже сказано, 8-ми часовая рабочая неделя, кото-

рый казался тогда почти недостижимым идеалом. И за дело достижения этого идеала чикагские рабочие взялись с большим воодушевлением.

Но чем больше рос энтузиазм среди рабочих, тем свирепее становились капиталисты и их прислужники. Собрания рабочих разгонялись полицией; забастовщики подвергались разным насилиям и избиениям; аресты рабочих стали обычным явлением. И в довершение ко всему этому капиталистическая пресса подняла сильную кампанию против рабочих агитаторов и забастовщиков.

2-го мая 1886 года, вблизи одной фабрики, произошла схватка между стачечниками и стачколомами, которая окончилась бы без кровопролития, если бы в дело не вмешалась прибывшая на место происшествий полиция, которая не замедлила пустить в ход огнестрельное оружие. В результате оказалось несколько убитых и много раненых с обеих сторон.

Вполне понятно, что рабочие были возмущены насилием, совершенным полицией. Они решили созвать массовый митинг протеста, который и состоялся через два дня, т. е. 4-го мая.

На этом митинге произносили речи Парсонс, Спиз и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний городской голова г. Чикаго. Он был здесь с самого начала митинга и, выслушав ораторов, убедился, что созванный митинг — спокойный и мирный по характеру, так как никто из ораторов не призывал рабочих к совершенному насилию.

Митинг приближался уже к концу, Фильден уже заканчивал свою речь, как вдруг 180 полицейских, вооруженных револьверами и предводительствуемых полицеймейстером, ворвались в помещение, где происходил митинг. Полицеймейстер отдает приказ закрыть митинг. Ему отвечают, что митинг мирный и законный. Тем временем вооруженные полицейские выстраиваются в два ряда с целью атаковать

непослушную публику. И в этот момент раздаётся сильный, оглушительный треск от брошенной кем-то бомбы, уложившей на месте 8 полицейских.

Ещё большая тревога об'яла капиталистов и властителей г. Чикаго. И они решили воспользоваться этим случаем, чтобы окончательно разгромить движение рабочих. В городе начались аресты и обвинения рабочих; были также арестованы 8 анархистов, которых обвинили в разных конспирациях и заговорах против американского правительства и, главным образом, в брошенной бомбе, убившей 8 полицейских служащих.

Понятно, что никаких прямых доказательств против обвинения анархистов, причастных якобы к брошенной бомбе, не было. Но разве всегда нужны доказа-

тельства для обвинения анархистов? Анархисты уже виновны тем самым, что они анархисты... Очевидно, капитал и власть имущие заранее решили судьбу анархистов, и весь знаменитый процесс чикагских мучеников был, таким образом, разыгранной комедией. Виновные или невиновные, но четыре анархиста, из 8 арестованных, были присуждены к смертной казни и повешены 11-го ноября 1887 года.

Так погибли лучшие американские анархисты - пионеры радикального рабочего движения.

Пусть же память о чикагских мучениках, погибших в борьбе за правое рабочее дело, возбудит в нас решимость бороться за светлый анархический идеал!

Л. ЛИПОТКИН.

НЕСТОР МАХНО.

На путях пролетарской власти (О ЧЕРК 1-й)

Прошло уже много времени с тех пор, когда передовая социалистическая интеллигенция формулировала в более-менее определенных формах цели исторической борьбы пролетариата с буржуазией и когда пролетариат, приняв эту формулировку интеллигенции без поправок, вступил под ее руководством в эту борьбу. То был своего рода триумф для интеллигенции, желавшей вести пролетариат к полному освобождению от буржуазии через разрушение буржуазного государства и власти и создание на их место пролетарского государства и пролетарской власти.

На этом пути естественно никто — ни интеллигенция, ни пролетариат, не шадил своих сил и знаний на представление перед широкими человеческими массами всегда того зла, которое творится властью буржуазного государства. Это помогало им развивать и укреплять в массах идеи пролетарской власти. В пролетарском государстве и власти пролетариат — по наговорам своих руководителей — видел сам и старался навязать другим

средство для избавления себя от власти буржуазии и водружения свободного равенственного начала во всех житейских взаимоотношениях между людьми. Такое предназначение пролетарской власти нам, анархистам, казалось грубо - ошибочным. И наши товарищи прошедших времен восставали против этого, доказывая все то заблуждение государственников, благодаря которому они делали коренное различие между властью вообще и пролетарской властью, возлагая на эту последнюю чуждую ей миссию.

Социалисты - государственники остались верны своей властнической школе. Со своей идеей пролетарской власти они вступили в русло еще небывалой по глубине и широте своих социальных требований Великой Русской Революции. И теперь уже нам, анархистам настоящего времени, пришлось с ними спорить против ложного предназначения пролетарской власти. В этом нашем споре мы государственникам доказывали, что всякая власть — будь она буржуазная или пролетарская — оди-

накова по своим внутренним, от народа скрытым, замыслам поработать и угнетать человека, разрушать в отдельном человеке, как и в обществе, в целом народе все те лучшие естественные духовные свойства, толкающие их (человека, его общество, целый народ) к свободе и основывающейся на ней солидарности.

Государственники социалисты возненавидели нас за это еще более. Между тем жизнь и деятельность пролетарской власти в России с каждым лишним годом своего существования и укрепления поддерживала нашу точку зрения о ней. С каждым годом пролетарская власть до нага выдавала самое себя в том, что пролетариатность ее — это фикция, которую самому пролетариату в первые годы революции заметить трудно было, тем более, когда он сам содействовал ее созданию. Однако то, что пролетарская власть в самом своем зарождении воспитывалась и жила интересами власти вообще, было неоспоримым, и это ей из всегда позволяло уметь скрывать свое существо на путях своей практики.

По прошествии ряда лет, ей пришлось самыми своими действиями показать, что ее цели и цели Великой Русской Революции — не одно и то же. Это прошедшие годы лицемерия этой власти не только что не помогли ей подчинить мирным путем цели Революции своим целям, но создали открытые фронты против ее и угрожают ей смертью. И пролетарской власти пришлось представиться перед Революцией во всей своей наготе и подлости, т. е. она открыла свое внутреннее существо, которое представляет с себя сплошную гнойную язву на теле Революции, при том язву, ядовитые бактерии которой несут смерть и разрушение для всех без исключения, кто дерзает без санкции пролетарской власти быть самостоятельным, свободно и независимо думающим о судьбах революции, о завоевании ею свободы своей и других, о том грандиозном строительстве нового свободного общества труженников, которое может быть построено только труженниками у себя на местах, самостоятель-

но, без опеки власти.

Спрашивается: почему все это так, случилось? Ведь по Марксу и Ленину пролетарская власть не должна быть похожа ни в чем на власть буржуазии, а тем более, не должна родниться с нею? Не виновна ли за это и известная часть передового пролетариата?

Многие анархисты склонны утверждать, что пролетариат здесь не причем, его, дескать, обманула — социалистическая интеллигентская каста, которая в силу целого ряда чисто исторических явлений и логики неизбежных государственных преобразований стремится в этом процессе заменить власть буржуазии своею и которая обыкновенно старается руководить борьбою пролетариата против буржуазно-капиталистического мира.

По моему, это утверждение не совсем точно и звучит несколько пристрастно. Русская Революция, нашедшая свое завершение, к великому сожалению, в создании пролетарской власти под водительством социал - демократической - большевистской партии развертывает перед нами несравненно полнее и объективнее данные об этом. А опыт Революции иллюстрирует перед нами неопровержимые факты о том, что пролетариат во время Революции не был единым. Городская часть пролетариата в целом ряде городов, низвергая общего классового врага — буржуазию по городам, первое время колебалась в выборе между путями февральской и октябрьской революции. И лишь через известный промежуток времени, после чисто военной победы октября над февралем известная часть городского пролетариата заметно начала сливаться с частью своих братьев — прямых участников в октябрьских достижениях. И вскоре слившаяся пролетарская часть по городам забыла о прямой непосредственной защите этих достижений, а заодно с властической партией поспешила максимум проявить своей любви к своим классовым политическим, экономическим и правовым привилегиям. От чрезмерной любви к своим классовым

привилегиям в этой части пролетариата загорелась такая же чрезмерная любовь к своему пролетарски - классовому государству.

Социал - демократическая - большевистская партия его в этом целиком поддерживала. На путях к созданию классового пролетарского государства и в самом государстве для этой партии открывалась арена для полного выявления своих сил в делах применения своей программы в открытой практической революционной борьбе пролетариата, так как в этом заключались возможности для этой партии полностью подчинить себе пролетариат и захватить его именем государственную власть в свои руки. На этом пути социал - демократическая большевистская партия превратилась в партию коммунистов - большевиков. Она не стеснялась в злостной демагогии, не брезгала средствами, если ей трудно было, она воровала чужие программы и, апеллируя ими к революционному пролетариату, обещая ему во всем лишь свою помощь, но шла к своей цели. В этом партия эта проявила поистине полностью исторические чаяния интеллигентской касты — заменить буржуазную власть своей и властвовать самой во что бы то ни стало. И известная часть пролетариата этому не противилась, наоборот, к действиям партии большевиков — коммунистов она относилась как к своим.

Эта часть пролетариата воспитывалась ведь из поколения в поколение — что пролетариат тогда лишь освободится от эксплуатации и власти буржуазии, когда сумеет разбить буржуазию, разрушить ее государственную организацию и создаст свою пролетарскую. И этот пролетариат пошел за партией большевиков коммунистов. Вместе с этой партией пролетариат занялся организацией „своей“ пролетарской власти и построением своего классового государства.

Самый путь да и средства их быстро сделали с них таких же, как и низвергнутая буржуазия наглых невежд-властителей, которым, чтобы закрепить свое гос-

подство в революционной стране над народом и революцией, понадобилось жестокое насилие.

Само собою разумеется, что партийной интеллигентской касте насилие это было присуще, она к нему готовилась долгие годы и она им упивалась. Пролетариату же — вчерашнему безмолвному рабу — насилие над подобными себе чуждо. Однако, путь классового государства, власти и привилегий соблазнил его на это насилие. В пролетариате, занявшемся построением своего классового государства, насилие это породило в конце концов, нетерпимость, омерзительное отношение к свободе личности, к свободе слова и печати, к свободе каких бы то ни было революционных организаций, расходящихся с наглостью пролетарской власти. Таким образом, известная часть пролетариата под водительством партии большевиков - коммунистов заняла место низвергнутых деспотов - тиранов из буржуазного класса и сделалась сама властелином деспотом, которому силой вещей пришлось заняться на своем посту гнусным насилием, притом без разбора в отношении левых и правых, маскируя это и подкупившей его патристическим делом защиты революции.

В действительности же насилие это было создано в России на теле революции в интересах утверждения и поддержания узко классового, в союзе с партией, господства над всеми другими даже трудовыми классами. И в этом нельзя усматривать временного пролетарского заблуждения. В этом лишь с особой четкостью и безпредельной наглостью проявляется существо власти вообще, показывающей то, что слогом „пролетарская“ ее не меняет.

Вот почему до моего, нашим товарищам всех стран, где пролетарской власти еще не существует, нужно хорошо знать все этапы Русской Революции, а также и роли в них партии большевиков - коммунистов и увлеченного ею пролетариата, чтобы они могли легко справляться с делом предупреждения пролетариата своих стран от возможного его увлечения бо-

льшевистской злостной демагогией о полезности пролетарской власти. Правда, действуя в этом направлении против большевистского обмана в настоящее время все наши товарищи, все организации должны быть вооружены серьезным знанием того, что они могут предложить широким массам вместо организации пролетарской власти: так как для того, чтобы бороться и побеждать своего врага-буржуазию, одних красивых лозунгов недостаточно. Широкая масса к лозунгам не всегда бывает чуткой. Она реальна и поэтому богата всевозможными злободневными в своей жизни и борьбе вопросами; она сразу перед анархистами поставит вопрос: а какими же иными путями и при помощи каких именно более устойчивых положительных средств социального действия следовало бы угнетенным

и трудовым массам идти в настоящее время к своему полному освобождению?

На подобного рода вопросы нужно отвечать прямо и с особой ясностью. Это крайне необходимо, важно не только для судеб назревающей активной революционной обрбы трудящихся классов с буржуазно-капиталистическим миром, но и для нашего анархического движения, так как от этого в известной степени будет зависеть влияние наших идей на начала и исход этой борьбы.. А это значит, что пролетариат не повторит той ошибки, которую совершили его братья в Русской Революции, и займется не организацией пролетарской власти под науськиванием какой либо из пролетарских партий, а организацией довольства для всех и защиты революции от всяких властей.

Анархисты и Социал-Революционеры

МАКС НЕТТЛАУ, — (автор).

Солидная книга, на солидном немецком языке, вся обоснованная на фактах, письмах, протоколах и т. п. По внешнему виду может отпугнуть робкого читателя ее цитатами, сводками, ссылками; но если кто-либо, интересующийся общественным движением вообще, а анархическим в частности, прочтет первые 3 страницы из четырехсот страниц этой книги, — тот не пожалеет времени и не лишит себя удовольствия прочесть книгу от „крышки до крышки“.

Эта книга описывает самую интересную эпоху анархического движения, — пятилетие 1880—1885 г.г., попутно освещая и предыдущее пятилетие 1875—1880 г.г. На 7-ой странице тов. Неттлау меткими штрихами дает картину заседания Конгресса Интернационала в Верье 1877 г.: Анархизм - Коммунизм против Анархизма - Коллективизма — в порядке обсуждения. Делегат Испанской Федерации говорит:

„Мы хотим коллективное владение орудия Федерации, коллективное владение орудиями труда, а также и землей только для общества трудящихся. Это дает каждо-

му коллективу производителей их автономия, и каждый получит сообразно его трудам“.

Немецкие „коммунисты“ (как видно) желали, чтобы: „Государство, как Провидение, делило каждому согласно его потребностям“. В противовес им говорит Андре Коста: „Для меня не только земля и капитал являются орудиями труда, но и пища, одежда и т. д. Если мы признаем орудия труда коллективной собственностью, мы не можем определить долю каждого отдельно в производстве. Вот для чего презлагается Государство. Каждому по его желанию. Мы также желаем Коммунизм, но только мы не желаем, чтобы он был авторитарным“.

(В этих речах и в речах других делегатов высказывается желание уйти от противоречивых понятий Анархизма и Коллективизма, от коммунизма государственного, авторитарного; но впервые понятие свободного коммунизма теоретически обобщается Кафиеро в докладе: Анархизм и Коммунизм, на конгрессе 1880 г., Мазатестей в 1884 г. и позднее Кропоткиным. Флорентинский Конгресс 1876 г. еще при-

нимает понятие и вычеканивает знаменитое положение коллективизма: „От каждого по его силам, каждому по его нуждам“. Макс Неттлау говорит (стр. 13), что П. Кропоткин еще в конце 1879 года писал в „Revolté“: „Коммунистический Анархизм, как цель, и коллективизм, как переходная форма собственности“. В.И.Д.).

Штрихами, верными действительности, речами, писаниями и поступками дает нам Макс Неттлау живые портреты деятелей этой эпохи: П. Кропоткин—революционер, анархист, редактор „Revolté“, — не отец анархического коммунизма, а лишь только порывающий с коллективизмом, начинающий осязать неразрывную связь анархизма и коммунизма, которую он теоретически доказал с неопровержимой логикой в последующих своих писаниях. Луиза Мишель, возвращающаяся в 1880 г. из ссылки в Новой Каледонии, с жаром всем существом, бросающаяся в пропаганду анархизма и социальной революции, не как теоретик, а как обаятельная неотраженная революционерка, человеческая личность, восставшая против насилия.

Ярким пламенем загорается деятельность ревностного, неукротимого „худителя“, Иоганна Моста, начавшего редактировать социал-демократическую лондонскую „Freiheit“ (Свобода), порвавшего с социал-демократами, но лишь только после восьмидесятих годов знакомящегося с анархическим коммунизмом и ревностно его пропагандирующим в Соед. Штатах Америки в статьях и лекциях. Вот красноречивый Андре Коста, устав от преследований, боясь новых, порывает с революционной деятельностью и открыто уходит в стан социал-демократии и ратует за выборы в Парламент.

Малатеста, молодой революционер, перебрасывающийся из страны в страну, Малатеста в Испании, Малатеста тешет пылающий прорваться через блокаду английского флота, дабы помочь египетским повстанцам Араби-Паши, спешащий обратно в Италию, дабы смягчить удар, нанесенный анархическому движению уходом Коста и

других, — Малатеста с широким кругозором, смягчающий разногласия товарищей-делегатов на Конгрессах, мыслящий в речах и статьях.

(Макс Неттлау написал прекрасную биографию Малатеста в брошюре: „Эррико Малатеста — Жизнь Одного Анархиста“, а также биографию: „Элизе Реклю—Анархист и Ученый“ и „Наш Бакуини“. Все эти книги, как и другие труды, к большому сожалению, не переведены еще на русский язык. — В. И. Д.)

Далее приподнимается завеса прошлого и перед нами заседание Лондонского Интернационального Конгресса 1881 года. Делегаты из Англии, Болгарии, Соед. Штатов, Испании, Швейцарии, Франции, Голландии, Египта и др. стран: делегаты всех направлений социалистической мысли, делегаты — революционеры, прежде всего. Они говорят о необходимости для всех революционеров изучения химии (проще говоря, искусства сваривания бомб и производства взрывчатых веществ). — Они — сторонники пропаганды „действием и единоголосно принимают резолюцию: „Конгресс просит все примыкающие группы оказывать самую энергичную помощь всем революционным актам, прошлым и будущим, во всех странах“.

Анархистический Коммунизм определяет уже ясно, и особенно симпатично, мне кажется, взгляды Икаринской Общины, из Икарии, Айова, Соединенные Штаты: „В общественной экономике мы — коммунисты... В политике мы не являемся политиками в узком смысле... Наша политика существует лишь в способствовании федерализму, или другими словами, равному союзу всех человеческих сообществ, которых нравы, язык, характер, нужды или личные жалания противны слиянию в одно коммунальное, национальное или географическое единство... Наша цель — всеобщая коммуна, каждый гражданин, после того, как он получит всякую мыслимую поддержку для своего физического, нравственного и интеллектуального развития, — свободно примет участие в труде

и производстве материальных и интеллектуальных сокровищ, которые необходимы для поднятия и усовершенствования человечества". Они называли себя: „Атеистами и материалистами“.

Макс Неттлау не называет этот конгресс анархическим, вопреки ходячему мнению, но указывает, что анархическое мнение определенно имело сильное влияние на всех делегатов, из которых лишь один поддерживал авторитарный социализм.

На последнем заседании принимается предложение Малатесты: „Конгресс, не присваивая себе никакого другого права, кроме намерения общих линий к кажушейся самой лучшей социал - революционной организации, предоставляет группам действовать согласно их собственной инициативе относительно тайных или других организаций, которые могут им казаться пущими для победы революции“. Так разрешился вопрос об общей организации, или более тесной связи организаций. Описывая движение во Франции, М. Неттлау пишет, что заветы Лондонского Конгресса упали на плодородную почву и вскоре начинается так наз. пропаганда действием, — выстрелы, взрывы бомб и т. п. — направленная против представителей капитала и власти. Следуют аресты и заключения. Никем не руководимая, представленная произволу личностей, пропаганда действием вскоре вырождается; ею начинают прикрываться темные личности для осуществления своих корыстных и эгоистичных целей. Жан Грав с переходом издания „Revolte“ в Париж, энергично борется против этой распушенности, несмотря на упреки в анти - революционности и реакционности. С помощью статей и докладов более трезвых товарищей, вышедших из тюрем в 1885 г., редакции „Revolte“ удалось устранить сумятицу в понятиях об экспроприации и пропаганде действием, и хотя Ж. Грав и уделяет много места в этом „распутье“ провокатору

полицейских агентов, но справедливо будет мнение автора статьи „Пропаганда действием“, что: три четверти товарищей понимали под этой пропагандой лишь вооруженные манифестации, казни эксплуататоров, сжигание промышленных исправительных домов и т. п.

Нет возможности коснуться иллюстрирующих очерков, движений в Испании, Англии, Германии, Италии и Соед. Штатах. Надо кончать. Рецензия слишком про странна, хотя еще так мало сказано, так мало охарактеризован труд М. Неттлау в его неустанной кропотливой работе, безпристрастной и компетентной истории анархического движения. Как видно из перечисленных на обложке работ: „Предвестие Анархии — ее (анархия) историческое развитие от начала до 1864 года“, „Анархизм от Прудона до Кропоткина“, его историческое развитие в годы от 1859 до 1880, настоящей книги и обещаемого следующего тома, охватывающего годы 1886 — 1895, анархическое движение получило, получает и еще получит ценный вклад в самую темную область его, историю - хронологию движения.

Я верю, тов. Неттлау выполнит задачу на себя добровольно миссию историка анархического движения, и его обещание следующего тома, напоминает мне картину Пушкинского летописца: „Еще одно последнее сказанье и летопись закончена моя...“

Пусть товарищи спешутся с М. Неттлау и организуют переводы этих исторических жемчужин на русский язык. Они могут печататься сериями в журнале или газете, а затем тем же набором могут быть отпечатаны книгой. Знакомство с этими книгами, судя по настоящему тому, необходимо для каждого добросовестного анархиста, желающего самостоятельно ориентироваться и „свое суждение иметь“.

В. И. Д

ЭРИКО МАЛАТЕСТА.

Революция на практике

Мы хотим достичь революции так скоро, как только возможно, используя все данные в целях ее приближения.

За исключением маленького числа товарищей, которые надеются поднять народные массы до анархического идеала посредством чисто пропагандистской работы, вне изменения условий их морального и материального существования, откладывая, таким образом, революцию до тех пор, пока весь мир способен будет жить по анархически — все прочие анархисты согласны в том, что нужно так скоро, как только возможно уничтожить современный строй. На деле часто они являются единственными, которые проявляют к этому действительное стремление.

Однако революции совершаются помимо воли и желания анархистов, — так оно было и так еще будет. Анархия неосуществима посредством насилия, путем насильственного акта немногих: отсюда ясно, что прошедшие революции и непосредственно стоящие перед нами не были и не могут быть анархическими, так как и по сей пору анархисты являются очень незначительными меньшинствами населения.

Около двух лет тому назад Италия стояла на пороге революции. Мы, анархисты, напрягли все усилия, чтобы она разразилась. Мы заклемили изменника-мелу пролетариата социал-демократов и членов централистической Конфедерации Труда, по чьей вине был сложен энтузиазм масс, вырвавшийся наружу в движении против дороговизны в Пьемонтской забастовке при захвате фабрик, в Анконском восстании и таким образом спасен шатавшийся монархический трон.

Чтобы мы, анархисты, делали, если бы действительно революция разразилась? Что мы предпримем, если завтра вспыхнет революция? Что делали, что могли и должны были делать наши товарищи в революциях, происшедших недавно в России, Баварии, Венгрии и других местах?

Мы не можем подворить анархию, охватив все население, все социальные условия, хотя бы потому, что в настоящий момент ни одно общество не является анархическим. В то же время мы не можем признать никакой новой системы власти, не изменяя своим стремлениям и не лишаясь права на существование как анархисты. Итак, что мы можем и должны делать?

Вот эта проблема и стояла в Биле (Швейцария). В момент необычайно интересней, полный всяких возможностей, когда мы находимся, быть может, на расстоянии одного шага от того положения, которое заставит нас немедленно и неукоснительно действовать или отказаться от борьбы после того, как мы одержали бы победу нашим противникам.

В исследовании данной проблемы меня занимает не описание революции, какой бы нам ее хотелось видеть и как мы думаем ее провести: действительная анархическая революция возможна тогда, если все или по меньшей мере, громадное большинство населения известной страны явились бы анархистами. Здесь, наоборот, вопрос идет о том, куда нам устремить свою энергию в общественном переустройстве, способном начаться в текущий момент, что бы наилучшим образом содействовать делу анархизма.

Авторитарные партии имеют определенную программу, которую хотят навязать всем посредством силы. Поэтому они стремятся к захвату власти, не разбираясь в средствах ее достижения. Они хотят преобразовать общество на свой лад путем нового законодательства.

Указанное обстоятельство служит причиной, почему политические партии, являющиеся революционными большей частью на словах, а иногда и на деле, медлят провести свою революцию, когда к этому представляется удобный случай, они не уверены даже в пассивной покорности

большинства населения. Они, большей частью, не обладают достаточной военной силой в целях проведения декретов по всей стране, не имея к тому же достаточно способных, преданных людей для бесчисленных разветвлений общественных служб. Таким образом они вынуждены свои революционные действия откладывать всегда на позднейшее время, пока народное восстание — так сказать, против собственной воли — приведет их к власти, где они хотя бы уже оставались бессменными. Тогда они делают все, чтобы держать в узде революцию, поднявшую их на вершину, управлять ею и не дать ей разрастись. Мы же анархисты, наоборот, ведем борьбу за свой идеал, стремясь к его осуществлению. Но мы не верим, что идеал свободы, справедливости и любви смог бы осуществиться когда-нибудь посредством государственного насилия.

Мы не хотим завоевывать власть и желаем, чтобы никто ею не обладал. Но мы, за недостатком сил, не можем воспрепятствовать возникновению и существованию правительства, поэтому максимальная энергия, вся наша деятельность должна быть направлена к непрерывному ослаблению власти. Вот почему мы готовы, при малейшей возможности, разрушить или ослабить правительство, особенно — я говорю особенно, но не говорю: ни в коем случае — не задумываясь о последствиях.

Насилие является для нас лишь средством борьбы против насилия и ничем иным быть не может. Оно потерпело полное банкротство в деле достижения положительных задач, содействуя лишь угнетению и экономическому рабству.

Образование и успешное процветание общества свободных людей явится лишь результатом свободного развития и наша задача как анархистов состоит в том, чтобы защищать и укреплять эту свободу развития.

Наша миссия в каждой революции, которую мы не можем сделать своей, заключается в том, чтобы подрывать основы, содействуя полному уничтожению любой фор-

мы политической власти с присущими ей атрибутами насилия; воспрепятствовать и мешать всем способам образованию новых правительств, нового аппарата угнетения; во всяком случае, не признавать никакого правительства, как бы оно ни называлось, всегда бороться с ним; стремиться при малейшей возможности отвоевать себе право организации по собственному желанию и потребностям, жить как нам это кажется удобным и иметь возможность свободно испробовать те социальные формы, которые кажутся нам наилучшими, уважать всегда свободу других.

Мы используем метод борьбы против ига власти, служащей источником и опорой капиталистической эксплуатации. Но после того, как мы возбудим народную массу и поможем ей овладеть существующими богатствами, особенно орудиями производства, после того, как мы достигнем, что никто не будет в состоянии навязывать другому свою волю и силой лишать кого бы то ни было продукта его труда, мы, анархисты, сможем действовать только посредством примера и убеждения.

Хотим ли мы разрушить современный общественный строй со всем его механизмом и учреждениями? Конечно, поскольку они являются факторами угнетения. Но таких немного в системе социальной жизни. Полиция, тюрьмы, суды являются могучими орудиями зла; они выполняют только паразитические функции. Но совсем иначе обстоит дело с учреждениями, хорошо ли, плохо ли, но служащими обезпечению человеческого существования. Подобные органы не могут быть без вреда уничтожены, если на смену им не явятся лучшие.

Обмен сырья и изделий производства, распределение естественных припасов для людей и корма для животных, железные дороги, почта и другие средства передвижения и службы связи оставлены теперь на волю эксплуатации государства и частных предпринимателей. Современные формы указанных организаций приспособлены на службу интересам буржуазии и являются

ее монополий. Однако все названные учреждения соответствуют насущным потребностям населения. Мы должны будем заняться их реорганизацией, а не разрушением, чего впрочем заинтересованные слои населения и не допустят. Все это не может совершиться в один день, да нам одним оно и не под силу. Мы будем очень счастливы, если в то время, когда мы приступим к преобразованиям, другие также отдадутся делу строительства, хотя бы и пользуясь различными с нами методами.

Социальная жизнь не может остановиться. Люди хотят жить так же в день революции на другое утро, как и все предыдущее время.

Будем предусмотрительны, будем осторожны во имя грядущего наших идей, чтобы не взять на себя ответственности за бессмысленное разрушение, могущее стать препятствием к дальнейшему прогрессу жизни.

Когда мы в Биле (Швейцария) обсуждали все эти проблемы, речь коснулась также одного из самых серьезных вопросов, — вопроса о деньгах.

Обыкновенно указанный вопрос решается в наших рядах очень просто: мы говорим, что деньги должны быть уничтожены. Вполне правильно, если бы речь шла об анархическом обществе или о революции через какую-нибудь сотню лет, исходя из предположения, что масса будет состоять из анархистов — коммунистов еще раньше, чем революция радикальным образом изменит жизненные условия.

В данном случае вопрос стоит немного иначе. Деньги служат могучим орудием эксплуатации и угнетения, но в то же время — не считая тиранической диктатуры или диллического единогласия — они являются до сих пор единственным средством, вымышленным человеческим рассудком, чтобы автоматически управлять производством и распределением.

Быть может лучше для настоящего момента, взамен того, чтобы заниматься

уничтожением денег — изыскивать средства обращения денег на пользу действительных интересов труда.

Обратим, наконец, внимание на практическую сторону вопроса, что и было настоящей темой дискуссии в Биле.

Представим себе, что завтра начнется победоносное народное восстание. Принесет ли оно с собою анархию или нет, однако, необходимо, чтобы население имело что есть, продолжая удовлетворять свои насущные потребности. Необходимо, что бы большие города больше или меньше обычного, но были бы обеспечены продовольствием. Но как быть, если крестьяне, транспортные рабочие и другие не желают отдавать предметы, имеющиеся в их распоряжении и отказываются продолжать работу, не получая денег, которые они по привычке считают действительной ценностью, что нам тогда делать?

Прибегнуть к силе? Но в таком случае прощай анархия! Прощай надежды на перемены к лучшему. Россия служит нам достаточным уроком. Но, возражают обычно наши товарищи: крестьяне поймут преимущества коммунизма или, хотя бы, усвоят себе, в большей или меньшей степени, пользу непосредственного обмена.

Вполне правильно, но не в один же день они постигнут это, а население не может остаться без еды, никогда, ни одного дня.

Я не намереваюсь дать здесь разрешение трактуемого вопроса. Я хочу только обратить внимание товарищей на серьезность затронутой проблемы, с которой мы можем завтра в действительности столкнуться. Пусть товарищи изложат нам свои соображения по данному вопросу; пусть не явятся последние источник огорчения или досады товарища Коломера.

Если все эти вопросы являются для него новыми, то анархист не должен смущаться новизной и выходить из себя.

II.

Моя предыдущая статья на эту тему, привлекая внимание многих товарищей, вызвала немало различных замеча-

ний и вопросов, обращенных ко мне.

Случилось ли это потому, что я недостаточно ясно высказался, или быть может, вывел из привычного духовного равновесия тех, которые предпочитают хвататься за старые формулы, вместо того, чтобы пошевелить мозгами, ужасаются все-му, что обязывает к размышлениям?

Как всегда, я постараюсь яснее выразаться; буду мнить себя счастливым, если те, кому мои слова покажутся ересью, примут участие в дискуссии и предложат практическую программу действий, которая служила бы для нас руководством в предыдущем социальном потрясении.

До сих пор наши пропагандисты занимались, главным образом, критикой современного общества и утверждением, что столь же желательно, как и возможно создать новую социальную организацию, основанную на принципах добровольного соглашения, братства, солидарности и полной свободы, где найдут себе место лучшие условия физического, морального и интеллектуального развития. Изображением индивидуального и общественного совершенства они стараются, прежде всего, зажечь сердца тем, что другие называют утопией, а мы — идеалом.

Они положили основание цели, к которой направлены наши стремления, проделав тем самым хорошую и необходимую работу. Но ощущается почти совершенный недостаток (и это так будет, если мы не отдадим себе ясного отчета) каких бы то ни было представлений в отношении путей и средств, какими достигнется наша цель.

Мы очень много занимались необходимостью разрушить до основания скверные общественные учреждения, но мы не уделяли достаточно внимания тому, чем можно их заменить или каким путем выявить положительное начало в момент разрушения существующего или же на другой день так, чтобы жизнь как отдельных индивидуумов, так и общества продолжалась бы самым наилучшим образом. Мы думаем и рассуждаем так просто, как,

если бы мы верили, что все устроится само собою, посредством естественных законов, без сознательного участия воли, направляющей наши усилия к намеченной цели. Нет сомнений, здесь кроется причина относительной неудачи нашей работы.

Отныне пора рассматривать проблему социального перехода во всей ее много-сложности и подумать об углублении практической стороны вопроса. Завтра может вспыхнуть революция, и мы должны быть готовы, чтобы действовать с наилучшим успехом.

Сейчас, в момент переходного периода, когда торжествующая реакция лишает нас возможности широкого развития пропаганды в массах, воспользуемся временем, что бы прояснить и углубить наши идеи в области грядущего; в то же время будем стремиться посредством нашей воли и усилий приблизить действия, когда мы сможем перейти к осуществлению.

Я кладу в основу своих рассуждений два принципа:

1. Анархия неосуществима посредством насилия. Коммунистический анархизм может выявить все свое величие и творческое влияние, когда широкие народные массы охвачены стремлением к более высокой цивилизации, чем современная, насыщенная знанием и жадной анархизма.

Можно очень легко представить себе избранные группы, члены которой уже теперь как в отношениях между собою, так и с другими подобными группами осуществляют принцип добровольного и свободного соглашения. Очень хорошо, если бы существовало много таких групп, и на нашей обязанности лежит, уже теперь создавать их, воздействовать посредством данного примера и опыта. Но такие группы не создают еще анархо-коммунистического общества. Они являются по большей части лишь единичными свидетелями преданности и самопожертвования ради торжества деэа, но они не охватывают

не только большинства народа, но даже единомышленников, избирающих обычно другие пути. На другой день современной изнурительной революции, если она таковой окажется, когда будут существовать только маленькие анархо-коммунистические группы, то вопрос не может быть об осуществлении коммунистического анархизма, но, чтобы направить в надлежащее русло совокупность событий и человеческую энергию.

2. Обращение широких народных масс в анархию и коммунизм — даже к самому умеренному социализму — невозможно до тех пор, пока продолжают существовать современные политические и экономические условия. И так как эти условия поддерживаются системой зверского насилия, обращения рабочих в рабство на пользу покровителей, то необходимо, чтобы они были изменены посредством революционной работы сознательного меньшинства.

Итак, если согласиться с принципом, что анархия неосуществима посредством насилия, вне сознательного желания масс, то становится ясным, почему вспыхнувшая теперь революция не может прямо и непосредственно привести к анархии, но раньше должны создать условия, открывающие возможность быстрого развития анархизма.

Очень часто слышна такая реф.: „Или революция будет анархической, или ее совсем не будет“. Эти утверждения могут звучать очень „революционно“, очень „анархически“, но в действительности это глупость, пожалуй, нечто худшее, — средство, дающее возможность насаждения реформизма, парализующее силу воли, толкающее людей покорно переносить настоящее в надежде на будущий рай.

Само собою понятно: анархическая революция будет или анархической, или ее совсем не будет. Но разве не видели мы революций на земле, не завершившихся анархическим обществом? И разве мы уже совсем уверены, что избежим их, пока масса не постигнет истину анархизма? Если же нам не удастся глубоко заинтере-

совать нашим идеалом невежественные, благодаря условиям существования, массы, то должны ли мы отвернуться от всех революций и удовлетвориться приспособлением к буржуазному режиму, примирившись с ним?

Истина такова, что будущая революция явится такой, какой она может быть. Наша задача, как анархистов, ускорить ее приход и, напрягнув все силы, способствовать возможному ее углублению.

III

Постараемся коренным образом по-нять друг друга!

Грядущая революция не явится анархической, если, как это имеет место теперь, народные массы не будут проникнуты анархическим духом. Но мы уже теперь анархисты, мы должны оставаться анархистами и всегда действовать по анархически как до революции, так и после нее.

Без анархистов, без их работы, если бы анархисты примкнули к какой бы то ни было государственной организации, к какой бы то ни было „временной коалиции“, настоящая революция не оказалась бы шагом вперед к свободе и справедливости, проложивши путь всеобщему освобождению человека, но создала бы новые формы эксплуатации и угнетения, быть может, еще худшие, чем современные. Или ожидаемая революция, принимая во внимание последнюю гипотезу, осуществит только случайные поверхностные улучшения, по большей части иллюзорные, не соответствующие в целом тем напряжениям, страданиям и жертвам, какими будет чревата революция, которая разразится в более или менее скором времени.

Наша задача как анархистов, способствовавших разрушению современного строя, не допустить или попытаться не допустить создания нового правительства. Если нам это не удастся, то мы должны бороться, чтобы новое правительство не господствовало безраздельно, не сосредоточило в свои руки всю социальную власть, осталось бы шатающимся и слабым, не

обладая никакой военной силой и не получая достаточных финансов и чтобы его признавали и слушались как можно меньше. Во всяком случае, мы, анархисты, не должны его никогда признавать и вести борьбу точно так же, как мы боремся против современных правительств.

Мы должны всегда оставаться с народными массами, поощрять их к непосредственному действию, всеми силами содействуя захвату орудий производства, организации производства и распределения, размещению по удобным жилищам, устройству общественных служб, не ожидая советов или приказов высших чиновников, игнорируя их, чтобы быть в состоянии проводить все указанное, мы должны уже теперь усвоить, насколько только возможно, все необходимые знания.

Мы должны быть устойчивы в своей оппозиции ко всем органам притеснения и угнетения, против всех тех, кто стремится посредством насилия ограничить народное желание и свободу меньшинства. Но не менее того следует остерегаться разрушения материальных ценностей и дезорганизации транспорта, если не можем заменить их лучшими.

Мы должны всегда помнить, что насилие, будучи необходимым, как противодействие насилию, не может служить для создания чего либо хорошего. Насилие естественный враг свободы, оно порождает тиранию, поэтому к нему нужно прибегать в самых крайних случаях.

Революция необходима, чтобы разрушить насилие правительства и уничтожить привилегии, но общество свободных людей явится лишь в результате свободного развития. Такое положение вещей побуждает анархистов стоять на страже свободного развития, которому непрерывно грозит опасность как со стороны жаждущих власти, так и со стороны привилегированных.

Вопрос питания является одним из самых важных, жизненных вопросов, среди всех других выдвигаемых духом революции,

Когда то очень широко было распространено ложное мнение, нашедшее горячий отклик среди анархистов, будто индустриальные и аграрные продукты имеются в таком большом количестве, что окажется возможным, очень долго жить из собранных запасов, отложив организацию производства до тех пор, пока произойдет социальное переустройство. Очень соблазнительно было, в виде пропагандистского аргумента, утверждать: "Люди во всем нуждаются в то время, как всего имеется в изобилии: смотрите, склады и магазины наполнены естественными продуктами и кормовыми припасами, хлеб гниет в кладовых, а люди умирают с голоду!" Как упрощенно рисовались все эти вещи! Достаточно, казалось, произвести экспроприацию, чтобы обеспечить довольство всех, а затем уже будет достаточно времени, чтобы обо всем подумать.

К несчастью действительность свидетельствует о противоположном.

Во всех продуктах ощущается недостаток и довольно одного плохого урожая, или иной какой либо беды, как уже выступает абсолютная скудость, невозможность снабдить всех необходимым, даже в такой степени, какой капитализм ограничивал потребности широких народных масс.

С другой стороны вполне правильно, что современные достижения в области химии и техники открывают неограниченную возможность увеличения производительности.

Но совершенно различное дело: быть в состоянии творить или в действительности производить. Причиной этому служат отчасти безразличие и неспособность, главное различие существующей системы, где уменьшение важны, прогрессирующей вместе с нуждой, создает перепроизводство, где собственники и капиталисты используют в высшей степени неудовлетворительно награбленные у общества орудия производства, не допуская, при этом, чтобы другие воспользовались ими.

Вследствие недостатка спроса, свой-

НЕСТОР МАХНО.

Азбука Анархиста-Революционера

Анархизм есть свободная жизнь и независимое творчество человека.

— Разрушение и отстранение от здоровой, свободной жизни человека всего нечеловеческого или человеческого, но тоже направленного против человека.

Анархизм — учение не теории и по ней искусственно создаваемых программ, пытающихся вмести в себе полностью жизнь человека.

Анархизм — учете жизни во всех ее здоровых проявлениях, — жизни реальной, перерастающей всякие искусственные пормы, — жизни, невмещающей в эти последние.

Социально — политическая физиономия анархизма — свободное, безвластное общество, свобода, равенство и солидарность в жизни его сочленов.

сственного режиму хозяйственных монополий, постоянно случается то в одном, то в другом месте несоразмерность, перепроизводственные кризисы и т. д. Но в общем и целом, производство держит нас всегда на краю жестокого голода.

Мы должны представить себе, что можем на другой день революции очутиться перед лицом голода. Отсюда никоим образом не следует отказ от революции, так как колебание между изливком и недостатком останется всегда до тех пор, пока будет существовать современный строй.

Но одно должно служить нам основанием для разработки проблемы и размышлений о том, каким образом мы можем исключить всякие ненужные растраты, экономно расходовать продукты и позаботиться немедленно об увеличении производства, особенно в сельском хозяйстве.

Мы имеем здесь дело с проблемой, насчет которой уже существуют кое-какие труды, но она должна быть углублена изучением технических средств, позволивших бы поднять производительность на высоту, отвечающую потребностям всех.

Право анархизма — свободная ответственность человека, ответственность одинаковая во всем и во все времена пройденного им пути, как и пути намеченного дальнейшего его шествия, т. е. ответственность, рождающая собою истинное обеспечение свободы и социальной справедливости всегда и в равной мере для всех и каждого человека.

Отсюда родится коммунизм.

Анархизм вносится в человеческую жизнь природой человека: коммунизм — логическим развитием анархизма.

Отсюда исходит необходимость теоретически, с помощью научного анализа и фактического материала, формулировать основные постулаты анархизма, необходимость, приведшая одних, — а именно врагов свободы, равенства и солидарности в жизни сочленов человеческого общества, — к затуханию природы анархизма и клевете на этот великий идеал, а других, — поборников права каждого человека на человеческую жизнь, — ко всестороннему развитию и освещению этого общечеловеческого идеала.

Годвин, Прудон, Бакунин, Мост, Кропоткин, Малатеста, С. Фор и многие другие титаны на этом пути, как я полагаю, — вовсе не думали и не думают своим теоретическим развитием анархизма замыкать его в рамки неизменных научных догм.

Научные догмы анархизма — это стремление доказать его естественность в природе человека, ответственность, с которой человек, внутри себя, во все времена и во всяком своем творческом достижении не разрастается.

Неизменное в научном анархизме это — его естественная сущность, которая в своих основных чертах выражается в отрицании всяких чужих, всякого порабощения человека. Вместо цепей и рабства, которые царят над жизнью человека и которых и социализм не уничтожает, — анар-

хизм, сеет свободу и безграничное право на нее человека.

Как анархист - революционер, участвуя в практических действиях революционного народа Украины, — народа, инстинктивно чувствовавшего и в своих действиях выражавшего жизненные требования анархистских идей, народа, на этом тяжелом пути несшего неисчислимые жертвы и все же не перестававшего твердить о своей свободе и свободе и безвластии своей социально - общественной жизни, — я нес все тяжести на этом пути вместе с ним упорно и неизменно. Часто, будучи слаб и бессилен все и во время на этом пути схватывать и формулировать — я спотыкался; но верно понимая цель, к которой шел сам и звал окружающих своих братьев, я видел в жизни естественное влияние анархизма на массы в их борьбе за свободу и независимость человека и всего человечества.

Опытом практической борьбы я подкреплял убеждение, что анархизм — учитель жизни человека, — он революционен так же, как и жизнь человека, так же разнообразен и могуч в своих проявлениях, как и творческая жизнь человека: ибо анархизм есть свободная творческая жизнь человека.

Как анархист - революционер, пока я хотя на один волос имею духовную связь с призваниями анархиста - революционера, я буду всегда звать тебя, брат униженный, к борьбе за идеал анархизма.

Только борясь и утверждая в жизни идеал свободы, равенства и солидарности в семье человека, — в человечестве, ты поймешь анархизм.

Итак, анархизм порожден природой человека. Коммунизм — развитием анархизма.

Следовательно, анархизм естественно живет в человеке. Исторически освобождая его от психического рабства, насажденного в нем искусственно, анархизм этим самым вырабатывает из него сознательно-бо борца против всякого рабства.

И в том и в другом смысле анархизм

революционен.

Чем человек сознательнее в области мышления о своем рабском положении, чем глубже он погружается в самого себя, сознавая за позор несущее на себе, навязанное ему рабство, — тем революционнее проявляется в нем анархический дух воли, мысли, а подчас даже и действий, связанных с этими мыслями.

Это относится к каждому человеку — мужчине и женщине — хотя бы они даже ничего не знали и не слыхали о слове „анархизм“.

Природа человека анархистична: она противится всему, что ее стесняет.

Эта сущность природы человека, по моему, и выражается в научно подобранном термине — анархизм.

Анархизм, как идеал жизни человека, играет уже заметную роль в развитии человеческой жизни. И угнетатели и угнетенные мало-по-малу начинают эту роль замечать, и один, — именно первые, — стремятся всеми путями, не брезгая никакими средствами, исказить этот идеал; вторые же яснее постиг и развить его.

Тому, что идеал анархизма становится все более заметным и для господина и для раба современного общества, много помогает дивилизация последнего. Цивилизация эта вопреки своим целям (она ведь направлялась на то, чтобы совсем усыпить и затереть протест человеческой природы за свое поругание) не смогла сыграть в этом черном призвании своей роли, чтобы забыть этот протест и замолчать то, чему противилась. Она не смогла затереть в своем круговороте независимые умы науки, которые вскрыли через человека его происхождение, доказали отсутствие Бога (на которого ссылались, как на творца человека, создавшие ему соответствующих земных богов) и т. д. С установлением этих истин, естественно, было легко и неопровержимо доказать искусственность насаждения на земле „божьих“ помазанников и порожденных этим последними позорных взаимоотношений между людьми.

Все эти явления в значительной мере содействовали развитию сознательного анархизма. Правда, рядом с развитием анархизма создавались новые искусственные идеи: либерализм и так называемый „научный“ государственный социализм, в том числе коммунизм — большевизм. Но эти учения, несмотря на мощное влияние их на психику современного общества или, по крайней мере, значительной части его, а также несмотря на приближение их с одной стороны к торжеству над реакцией, а с другой — над свободно развивающейся и крепнущей человеческой личностью, — эти учения, как искусственные, недоразвившись на своем пути, скатываются по наклонной плоскости к отжившим житейским формам.

Свободный человек, — осознавший себя и постигающий окружающее, уже хоронит и безусловно похоронит, вместе с навязанным ему грубой силой и обманом, вместе с отвратительной гнилью и мерзким рабством старого, все позорящее человеческий дух прошлое. Похоронит он и эти учения.

Человек уже в массе мало-по-малу освобождается от удара лжи и подлости, в которые его закалили с самого рождения земные боги с помощью грубой силы штыка, рубля и „правосудия“ с одной стороны, лицемерной науки — науки кулаков, с другой стороны.

Освобождаясь же от этого позора, человек постигает себя, а постигнув себя, человек раскрывает перед собой карту жизни, на которой в первую очередь, на первом ее плане замечает свою прошлую, отвратительно — пошлую, подлую подневольную жизнь, — жизнь, которая, будучи загнана в искусственные рамки, в рабские рамки, убила в нем все чистое, светлое и непорочное, с которым он родился: жизнь, которая превратила его в одно и то же время во вяющего осла, раба для одних, и — господина для других, притом господина — дурака, который рвет и топчет все, что есть лучшего в человеке, рвет и топчет в самом себе и в других и все

по приказу других. И тут только в человеке просыпается свобода от подлинной природы, ни от кого независимой, повергающей в прах все искусственное, — все, что нарушает пленительную чистоту и красоту его природы, проявляющейся и развивающейся в независимом творчестве.

Тут только человек приходит в себя и выносит убийственный приговор своему позорному прошлому, порывая с ним всякую и, в первую очередь, психическую связь, на которой до сих пор зиждется унаследованная его предками, в частности и им самим, искусственно развившаяся в утверждениях шаманов науки, его несправедливая — как индивидуальная, так и общественная жизнь.

Так человек, — раньше из поколения в поколение, сейчас из года в год, — движется в процессе своего развития к высоко-нравственной цели: не быть самому шаманом, прорицателем власти над другими и не допускать властвования над собой этих идолов.

Свободный человек, свободный от земных и „небесных“ богов и всех их предписаний, свободный от „нравственности“ и „морали“, исходящих из этих предписаний, возвышает свой голос и словом, и делом против порабощения человека и извращения его природы, сущность которой остается всегда неизменной в своем стремлении к простору и воле, вперед — к полноте и совершенству.

Этот протестующий человек, осознавший себя и видящий открытыми глазами, стремящийся так видеть вокруг себя своих угнетенных и оскорбленных братьев; этот человек, ясно отражающий своим умом, в своем сердце, оскорбленного человека вообще; этот человек — анархист-революционер, этот одинокий свободный человек, жаждущий свободы, полноты и совершенства в жизни для себя и своего рода, попирающий рабство и общественный идиотизм, который исторически в разбоях и насилии созрел и оформился в государстве, в этом наемном, организованном разбойнике и убийце, — этот чело-

век, побуждаемый своей глубокой верой и самопожертвованием на указанном пути создает группы свободных людей, связанных идей цели и действий за эту цель. Такие группы в своем развитии крепнут идейно и ширятся организационно, принимая истинно — коммунистическое направление во всех творческих достижениях на этом столь тяжелом великом пути.

Люди, входящие в эти группы, освобождаются от группы и в большинстве случаев преступной опеки над собой другого человека, поскольку человек, как личность, в этих группах становится самим собою, т. е. человеком, осуждающим свое рабство перед другим человеком; поскольку он, этот обыкновенный человек, вошедший в группу от плуга или фабричного станка, или со скамьи университета, или из кабинета ученого, сознает, что быть лжецом перед другими, влачить на себе изо дня в день ношу осла, раба, лишнего, если он рабочий, всего, что даже сам производит, если же он ученый, то того, чтобы быть свободным, не превратиться в чиновника и не проводить все свое учение по казенному, за деньги, что быть лжецом для одних и господином — дураком, продавшим себя в таковые для других, — не есть удел жизни человека...

Поскольку же человек, как личность, приближается к подлинной личности, встающей перед человечеством в подлинном своем виде, отбрасывая, повергая во прах искусственные идеи жизни, идеи, поправшие личности права; идеи, какими вынужденно живут господин и раб современного общества, поскольку же человек выдвигает чистые и светлые начала своей свободы, через которую должно родиться новое в человеческом смысле: свободное человечество. И именно поэтому этот человек становится сознательным анархистом-революционером и коммунистом.

Таким образом анархизм, как идеал жизни человека, уже сознательно обретается человеком в самом себе, т. е. свободный человек постигает его таким, каков он в действительности: глубоким, чистым и

светлым в человеческом смысле, во всем сочетающимся со свободной жизнью, с творчеством человека, с самой человеческой природой, идейно определившимися и свободно, на счастье свое и других, воспринимаемым общественным идеалом.

Анархическое общество или общество обще-человеческой гармонии уже в наш век в здоровом общественном мышлении не является сказочным. Но как само это мышление, так и устройство в согласии с ним практической жизни, в силу высших условий, оказываются все еще слабо выявленными.

Сама идея анархизма, как учение о новой жизни человека в его индивидуальном и общественном развитии и творчестве, как идея, теоретически обосновывающая несокрушимую правду природы человека и на неопровержимых, не поддающихся разрушению фактах вскрывающая всю язву несправедливости по отношению человека современного общества, находится в рамках жизни этого последнего — в большинстве случаев на нелегальном, но реже на полулегальном положении. Впрочем же легальна идея анархизма нигде не живет.

Это объясняется тем, что в данный период развития человеческой жизни общество в человеческом смысле не живет своей жизнью, а живет жизнью своего слуги и господина — государства. Даже более того, — общество совсем обезличилось. Его нет в действительности. Все функции его, все создание и творчество в области общественных дел перешло в ведение государства. Последнее и считается теперь обществом. Группа людей, выполняющая на шею всего человечества и искусно создавшая „законы“ жизни для этого последнего, является теперь человеческим обществом. Человек в одиночку и в своей многомиллионной массе — ничто по сравнению с этой группой бездельников, носящей имя правителей и хозяев, эксплуататоров и насильников.

Вот этим-то шакалам мира сего, одурачившим мир и держащим его в своем

подчинении — правителям справа и правителям слева — буржуа и социалистам-государственникам и не нравится великая идея анархизма.

Первые, т. е. буржуа открыто (следовательно менее лицемерно), а социалисты — государственники всех направлений, не исключая и коллективистов, ныне присвоивших в жизни не оправдавшееся имя коммунистов — большевиков, лицемерно прикрываясь лозунгами „братства и равенства“, готовы тысячу раз перекрашивать современное общество, готовы тысячу раз менять названия систем господства одних и рабства других в этом обществе, меняя эти названия согласно своих программ, но оставляя нетронутой сущность и пытаясь в искусственной стройности этих своих глупых программ найти примирение естественным противоречиям в соединении господства и рабства. И хотя они знают, что противоречия непримиримы, — они их поддерживают, дабы не допустить к практической жизни великого правдивого идеала — анархизма — коммунизма.

Социалисты и коммунисты — государственники решили по своим глупым программам, что „социально“ человека необходимо допустить освободиться; можно в этой области допустить и развитие его, социально — общественной жизни. Но допустить человека до духовного освобождения полностью, чтобы человек в человеческом смысле стал свободным и подвластным только своей совести, только естественным законам своей человеческой природы, на этот счет они хотя и не говорят, что до этого человека допускать нельзя, но всюду и сами, и вместе с буржуа делают так, чтобы такое освобождение человека, в особенности без опеки их власти, отвратительной, политической власти над людьми, — ни в коем случае не произошло.

А „освобождение“ под предводительством всякой власти, — в особенности власти политической, — нам уже известно какое может быть.

Буржуа, который никогда не затрачивает подлинного труда на дело производ-

ства всего полезного и прекрасного, которым пользуется все человечество, по обыкновению говорит о тружениках: раб должен оставаться рабом. Не можем мы, имеющие в своем распоряжении такие колоссальные капиталы в индустрии и сельском хозяйстве, устраивать какие-то новые начала для общественной жизни. Для нас вполне хороша настоящая жизнь. Перед нами все сгибаются: и цари, и президенты, и правительства, и большая часть ученых, а рабы ведь подвластны им...

„Слуга! отдай рабам рабское, себе возьми за верную службу, а остальное охраняй для нас!“... Хороша для нас жизнь настоящего общества!...

Нет, — говорят в противовес буржуа, социалисты и коммунисты государственники: — мы в этом с вами, буржуа, не согласны! И обращают они свой голос к труженикам, и организуют их в партии, и зовут их к бунту, восстанию — говоря: тоните от власти буржуазию и дайте нам, социалистам и коммунистам, — государственным, власть в наши руки: мы за вас стоим, мы вас освободим.

И труженики, будучи ненавистниками власти по природе своей сильнее, чем бездельники, эту ненависть к власти чувствуют в себе. Они восстают, делают революции, разрушают власть, изгоняют ее выразителей. И местами по наивности, местами по недосмотру, допускают к власти социалистов; в России допустили коммунистов — государственников.

И режут, стреляют, даже сонных давят людей эти подлые несуты, изверги и палачи свободы человека, стреляют всех и всюду они в царстве своей власти, стреляют так же, как и буржуа, местами еще хуже.

Стреляют они людей, чтобы подчинить никакomyслящего человека в одиночку и в массе своей власти; чтобы навсегда убить в человеке дух свободы и воли творчества; чтобы сделать из него духовно раба и физически лакея для группы пегодаев, воссевшей на трон изгнанной власти и без зазрения совести нанимаю-

шей для себя охранителей, а для свободы человека — убийц. И с помощью убийц подчиняют они себе жизнь человека и управляют ею.

И стонет человек под тяжестью цепей новой социалистической рабочей власти в России. Стонет он в других странах под игом социалистов, объединенных с буржуазией, и стонет под игом самой буржуазии. Стонет всюду, стонет в одиночку и в своей многомиллионной массе.

Стонет весь человеческий род под гнетом власти и ее политических и хозяйственных безумий.

Он стонет, но стоном его мало кто безкорыстно примет. Новые как и старые, его палачи сильны, сильны они духовно, сильны и физически, да и средства для поддержания этих сил у них более действительны. Они все и во время подавляют на противном для них пути.

И человек, на миг проявивший свою творческую волю, рванувшийся отстаивать свои права на жизнь, на свободное и счастливое ее процветание, снова погружается в омут насилия и порожденной этим последним отчаянности, и опускают руки перед палачем даже тогда, когда палач надевает ему петлю на шею, даже тогда, когда палач от одного его смелого взора дрогнул бы, побоявшись как бы человек не возненавидел его так, как свободный человек должен его ненавидеть и как бы от этого не порвалась петля и не погибло все то, что нужно для палачей и не нужно для свободного человека, для всего человеческого рода. И человек рабски закрывает глаза, когда палач для прочности своего торжества над ним оставляет на нем петлю на всю жизнь.

Лишь свободный человек, человек, выживавший из тяжелых условий своей личной жизни и из наблюдений над ужасной, развертывающейся перед ним жизнью человеческого рода убеждает, что другой человек для него — брат, что свобода человека незыблительна так же, как и жизнь. Лишь человек, готовый эту свободу завоевать и защищать, готовый вся-

кого властелина и палача убить (если последние не бросают добровольно своей подлой профессии, казнящей жизнь); лишь человек, ставящий целью своей борьбы со злом современного общества не замену власти палача - буржуазии властью другого палача — социалистический или коммунистической "рабочей" (как эта подлость величается в большевизме) республики, а установление подлинного свободного общества, организующегося на началах личной ответственности человека и обеспечивающего всем истинную свободу и социальную справедливость в равной степени, — лишь такой человек — анархист - революционер. Он без боязни смотрит на действия палача - государства и также без боязни и открыто выносит ему свой приговор говоря: Нет, так не должно быть! Бунтуй, восставай, угнетенный брат! Восставай против всякой власти! Разрушай власть буржуазии и не допускай к жизни власти социалистов и большевиков - коммунистов. Разрушай всякую власть и гони от себя ее выразителей, ибо среди них нет твоих друзей.

Власть социалистов или государственных коммунистов так же подла, как и власть буржуазии. Бывают даже моменты, когда власть социалистов, или государственных коммунистов подлее власти буржуазии, ибо бывают моменты, когда она, как власть, должна делать на крови и жизни человека свои, этой власти только нужные, эксперименты. Тогда она прорывает всякую связь с идеей жизни человека. Тогда она топчет и собственную идею государственного социализма и коммунизма. Она отрывается от всякой здоровой мысли и тогда втайне хватается за основные предпосылки власти буржуазии.

И потому, что она хватается за них тайно, она не хочет показать этого массам, которые ею управляются. И лжет и обманывает хуже всякой другой власти. А массы это замечают и возмущаются. Тогда власть эта набрасывается на них со всей разнузданностью своей безответствен-

ности и режет, бьет, душит их во имя якобы своей идеи, идеи социализма или государственного коммунизма (как например, в России). Но в действительности она свою идею давно отбросила в мусорный ящик; она, как власть, в эту минуту хватается за что угодно, но только не за идею тех, за счет которых пришла к власти и против которых направляет эту власть с помощью старых изуродованных средств буржуазии. В эту минуту власть социалистов или большевиков — коммунистов и бывает подлее власти буржуазии, ибо она в такие минуты не имеет своего собственного русла, и в то время, когда власть буржуазии вешает не признающего ее революционера, власть социалистов или большевиков — коммунистов убивает его из за угла, или душит. В самом акте они обе подлы, но в подходе к нему — более власть последних.

Наилучшим подтверждением вышесказанному может служить каждая политическая революция, когда буржуазия, социалисты и государственные коммунисты ведут между собою отчаянную борьбу за свое политическое господство в стране, вливая на этот путь и народные массы.

Но самым выразительным и поучи-

тельным подтверждением сказанному о власти могут служить последствия деятельности социалистов и коммунистов — государственников в двух — февральской и октябрьской — русских революциях.

Когда трудовые массы, населявшие имперскую Россию, почувствовали себя политически на половину освобожденными от царско-помещичьей реакции они стремились к совершенному и полному освобождению. Они проявляли это свое стремление местами в форме отобрания от помещиков и монастырей земли и передают этой последней в пользование тем, кто хочет ее обрабатывать без наемного труда; местами — в виде провозглашения заводов, фабрик, типографий и других общественных предприятий достоянием тех, кто в них работает, пытались при этом создать свободные братские взаимоотношения села с городом. И, конечно, они в своем здоровом стремлении, в своих чистых и светлых намерениях, совсем не хотели даже и замечать, что где-то в Киеве, Харькове или Петрограде существуют какие-то правительства.

(Окончание следует).

Н. Махно.

Завещание товарища Антона Лещишина

Во время существования Союза Русских Рабочих в городе Акроне (Огайо) в 1919 году, пальмеровскими агентами была разгромлена эта организация, арестовано несколько членов и брошено в тюрьму. Благодаря стараниям всех членов этой организации, арестованные товарищи были выпущены на свободу под залог до суда, а впоследствии депортированы в Россию. Суммы залогов собирались заманчиво среди самих же членов Союза. Товарищ Антон Лещишин дал 125 долларов. По прошествии нескольких месяцев он решил уехать в Россию и на одном из собраний внес вопрос о возврате следуемой ему суммы.

В то же время подоспел разгром орга-

низации, на ведение дела арестованных членов устраивались сборы денег среди членов, а поэтому как касса организации, так и карманы членов опустели, и никаким способом невозможно было собрать и отдать ему этой суммы. Товарищ Лещишин, понимая суть этого дела, а также будучи преданным идеалу анархизма, не настаивал на выдаче и заявил: "Я эту сумму (125 долларов) оставляю в данной организации. В случае, если от меня из России не будет письма-запроса об этой сумме через 5 лет, то прошу употребите ее на издание анархической литературы. А так как товарищ Мария Вербская состоит безвыездно постоянным членом этой организации, то эту сумму препоручаю на ее

имя".

Впоследствии по решению Союза Р. Р. один из анархистов, товарищ Миродобов, не явился на суд и сумма залога, в которой были деньги Лещинина, не была возвращена Союзу и считалась пропавшей. И только в 1921 году в мае месяце, благодаря стараниям М. Вербской, бывшей в то время уже в Нью Йорке, через адвоката Шора была вытребована сумма залога на том основании, что Миродобов все же был опять арестован в штате Коннектикут и депортирован в Россию. Полученная сумма была распределена по назначению, а завещанная товарищем Лещининым положена на хранение в почтово-сберегательное отделение города Нью Йорка.

Итак, время по завещанию товарища истекло давно, а запроса об этой сумме

не было и наверное не будет, так как прошло не 5 лет, а больше, и сумма увеличилась до 150 долларов.

Желая выполнить волю и желание товарища Лещинина, возложенную на организацию, я с товарищем Колодочкиным совместно с кружком Друзей Свободы города Нью Йорка, 30 октября 1931 года распределили сумму следующим образом:

50 долларов на помощь Музею имени Кропоткина в России, 50 долларов на помощь арестованным и томящимся в тюрьмах анархистам в России и 50 долларов на помощь журналу „Пробуждение“ в Соединенных Штатах Америки.

Мария Вербская
Т. Кусмарцов
Н. Колодочкин.

Отчет Федерации групп „Пробуждение“ от 1-го августа по 1-е декабря 1931 г.

ПРИХОД:		ВСЕГО	
За „Пробуждение“.		Приход из Детройта, Мич.	
Гери — Н. Гвай	\$ 2.90	Подписной лист номер 43	40.50
Кливленд — А. Фищенко	6.00	От розыгрыша картины С. и В.	8.00
Елизабет — Р. Н. Общество	1.75	За „Пробуждение“	12.00
Нью-Кестл — от т.т. Д. Семенук и		П. Ковальчук в фонд	3.00
М. Осипук	4.50	ВСЕГО	63.50
Нью-Йорк — Кр. Д. Свободы	7.50	Подписка на „Пробуждение“	9.00
Рочестер — Л. Лазарев	2.75	Переходная сумма	11.45
Балтимор — Об-во Самообразование	5.20	Итого приходу	205.60
Гартфорд — М. Лавренук	4.75	РАСХОД:	
Струдер — С. Медвинич	1.50	Перевод статей	37.50
Нуварк — В. Куль	5.00	Сотрудники	15.50
Омага — И. Калаур —	5.50	Почтовые расходы	12.65
Канада — С. Филипов	1.75	Почтовые расходы	135.00
Канада — И. Шкалюк —	1.80	Издание журнала	200.65
ВСЕГО	50.90	Всего	205.60
Добровольный фонд		Общий приход	200.65
П. Логинов, Сан-Франциско	3.25	Общий расход	4.95.
Б. Войтович, Бруклин	1.25	Остаток	
Н. Гвай, Гери	10.00	Примечание: Дефицита имеется 70 долл.,	
М. Вербская, по завещанию		которые были взяты заимообразно у товарищей на издание журнала:	
А. Лещинина	50.00	КОМИССИЯ:	
Подписной лист номер 29,		И. Черный	
Кроуэлд, Канада	6.25	В. Слободян.	

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп

“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.